

Стеодор СТАРАДЖОН

ВЕНЕРА ПЛЮС ИКС
МЕЧТАЮЩИЕ КРИСТАЛЛЫ

Мастера фантазии

Эдвард Уолдо

**Венера плюс икс.
Мечтающие кристаллы**

«Издательство АСТ»

1940, 1944, 1948, 1950, 1961

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уолдо Э. Г.

Венера плюс икс. Мечтающие кристаллы / Э. Г. Уолдо —
«Издательство АСТ», 1940, 1944, 1948, 1950, 1961 — (Мастера
фантазии)

ISBN 978-5-17-137279-8

Обычный житель Америки 1950-х годов похищен гуманоидными существами и перенесен в обособленный от всего мира город, живущий по законам, абсолютно непохожим на законы цивилизованного мира. Сбежавший от жестокости отца мальчуган странствует с бродячим цирком, который таит в себе множество опасных загадок. Одержимый убийством бульдозер охотится на людей. Космический флот Земли пытается противостоять величайшей угрозе, которую когда-либо знало человечество...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-137279-8

© Уолдо Э. Г., 1940, 1944, 1948, 1950,
1961

© Издательство АСТ, 1940, 1944, 1948,
1950, 1961

Содержание

Венера плюс икс	6
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Теодор Старджон

Венера плюс икс. Мечтающие кристаллы

Theodore Sturgeon

THE DREAMING JEWELS, VENUS PLUS X, IT, KILLDOZER, THERE IS NO DEFENSE

© Theodore Sturgeon, 1940, 1944, 1948, 1950, 1961

© Перевод. А. Бурцев, 2021

© Перевод. Н. Виленская, 2021

Школа перевода В. Баканова, 2021

© Перевод. В. Миловидов, 2022

© Перевод. Г. Шокин, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Венера плюс икс

Гертруде и Исааку

– Я – Чарли Джонс! – отчаянно прокричал Чарли Джонс. – Чарли Джонс!

И – еще раз:

– Чарли Джонс!

Все прямо-таки обязаны были знать, как его зовут, и никто не имел права сомневаться. Ни секунды.

– Да, я – Чарли Джонс! – проговорил он уже более спокойно, но веско. С ним, правда, никто не спорил; никто и не пытался отрицать того, что он – Чарли Джонс. Лежа в крошечной темноте, он обхватил ноги руками и подтянул колени ко лбу. Под его плотно закрытыми веками мерцали красные огоньки. Да, он – Чарли Джонс, и никто иной.

Это имя было когда-то набито по трафарету на его обувном шкафчике, выведено черными чернилами на дипломе об окончании школы, потом напечатано на чековой книжке и в телефонном справочнике.

Ладно, с именем все ясно. Но человек – это ведь не только имя, тем более что ему уже двадцать семь, и каждое утро, глядя в зеркало на свою физиономию, обрамленную густыми волосами, он в этом убеждается. А еще он любит сдобрить глазунью (белки твердые, желтки, не до конца прожаренные, слегка подрагивают) каплей соуса «табаско» с красным перцем.

Родился Чарли с деформированным пальцем на правой ноге и с легким косоглазием. Он – мастер жарить стейк, водить машину, заниматься любовью, управляться с ротационной машиной, а еще чистить по утрам зубы, не обходя щеткой постоянный мост на месте левого крайнего верхнего резца и малого коренного зуба. Из дома он вышел давно, но на работу явно опаздывает.

Чарли открыл глаза, и красное мерцание прекратилось. Он увидел сероватый дымчатый свет – словно улитка оставила свой влажный след на листьях сирени. Весна. Да, обычные весенние дела; а вчера, ночью, с ним была Лора.

Когда лето только начинается, и световой день длится целую вечность, можно столько всего переделать! Ах, как же он просил Лору дать ему шанс! Мама знает. А потом, пробираясь по затхлomu подполу в доме Лоры, почти в полной темноте, он наткнулся бедром на старую петлю от оконной решетки, порвал свои коричневые твидовые брюки, да еще и обзавелся багрово-красным синяком, на котором отпечатались рисунок брючной ткани. Хотя это стоило того, ох, как стоило! Потому что весь тот бесконечный вечер он провел с девушкой – да еще какой девушкой! Любовь! И весь вечер, и весь путь домой, здесь и сейчас, и, конечно, весна, и – любовь! О любви скрипели древесные лягушки, шелестела сирень, пел ночной воздух, и пот, который высыхал на его коже (О господи, как же здорово! Здорово быть частью этого мира, здесь и сейчас. А вокруг – весна, а в тебе – любовь. Но лучше всего – это знать и помнить).

Лучше, чем любить, – только хранить в памяти убежденность в том, что у тебя есть свой дом, что к нему ведет дорога, лежащая промеж двух рядов живых изгородей, и там, в самом ее конце, над дверями, висят две белые лампы, на которых мама своей рукой вывела цифры шесть и один (руки у нее умелые, и номер дома она нарисовала сама, не дожидаясь, пока это сделает хозяин). Правда, цифры уже порядком выцвели, да и мамины руки за эти годы сильно изменились.

А в холле дома, на потускневшей от времени бронзовой панели – прорези почтовых ящиков, которыми пользуются съемщики, едва заметные кнопки звонков, да забранное решеткой отверстие внутридомового переговорного устройства, по которому все это время, что они с мамой живут здесь, так никто и не говорил. А еще – тяжелая бронзовая крышка, за которой

скрывается электрозамок; и все эти годы он открывал его ударом плеча, на ходу, не мешкая на пороге... и все ближе и ближе, потому что помнить – это важнее всего. Причем – важно не то, что ты *помнишь*; гораздо важнее сам процесс – *вспоминание*...

По лестнице, ведущей наверх, вниз стекала ковровая дорожка, прижатая никелированными пластинами. Дорожка стерлась до основы и пушилась былым великолепием лишь по краям (мисс Мундорф учила их в первом классе, мисс Уиллард – во втором, а мисс Хупер – в пятом; он помнил все и всех).

Чарли огляделся. Серебристый свет заливал помещение, в котором он лежал; здесь было тепло, а стены напоминали и металл, и какую-то ткань одновременно. Но воспоминания не отпускали его, и он увидел лестничный пролет, ведущий со второго этажа на третий – там тоже лежали никелированные пластины, но дорожки уже не было, и ступеньки были вытерты бесчисленным множеством ходивших по ним ног. Фокус состоял в том, что, поднимаясь по этим ступеням, ты мог думать о чем угодно, но по звуку своих шагов понимал, где находишься здесь и сейчас – внизу твои подошвы издавали мягкое шуршание от соприкосновения с ковровой дорожкой, а здесь – постукивали по потертому дереву.

И Чарли Джонс закричал:

– Где я?

Он разогнулся, перекатился со спины на живот, попытался встать на четвереньки, но не смог. Во рту стоял сухой жар, словно под маминым утюгом, когда та гладила наволочки, а мышцы в ногах и на спине были безнадежно перекручены, подобно шерстяным ниткам в коробке для вязальных принадлежностей, которые мама все собиралась выбросить, но так и не выбросила...

...любовь, Лора, весна, и число «шестьдесят один» на белых лампах, и шуршание подошв по облысевшей ковровой дорожке, и, конечно, он готов легко вспомнить остаток пути, потому что столько раз возвращался домой, чтобы лечь в постель, а потом встать и пойти на работу, как и в этот раз... А был ли он, «этот раз»?

Дрожа от напряжения, Чарли приподнялся, встал на колени и, наконец, присел на корточки, задышавшись и переводя дух. Голова его склонилась, и он принялся рассматривать коричневый твид своих брюк, словно ткань эта была занавесом, за которым скрывалось нечто ужасное.

Так оно и было!

– Мой коричневый костюм! – прошептал Чарли.

Да, это был его твидовый коричневый костюм, а на бедре, на брюках – дыра с рваными краями, под которой вспух болезненно ноющий синяк. А это значит, что утром Чарли не переодевался, чтобы пойти на работу. Более того, накануне он даже не добрался до площадки второго этажа, а вместо этого оказался здесь.

Встать он был пока не в состоянии, а потому начал медленно поворачиваться вокруг, с трудом переставляя колени и слегка двигая головой, чтобы осмотреться. На мгновение остановившись, провел ладонью по подбородку – щетина нормальной длины для человека, вернувшегося со свидания, перед которым он тщательно побрился.

Повернувшись, наконец, вокруг собственной оси, Чарли увидел на закругленной стене вытянутый овал, края которого источали неяркий серебристый свет. Это был первый предмет, за который смогло зацепиться его зрение. Чарли уставился на серебристый овал, напрягся, чтобы определить, что это, но – тщетно.

А интересно, который был час? Подняв руку, Чарли поднес часы к уху. Слава богу, часы работали. Он посмотрел на циферблат и потом долго, не двигаясь, рассматривал его. Похоже было, что и времени ему было не определить. Наконец, Чарли понял, что он видит: цифры на циферблате шли как бы в зеркальном отражении – на месте цифры два стояло десять, на месте четырех – восемь. Стрелки же располагались так, словно было без одиннадцати одиннадцать,

но, если судить по цифрам, то – одиннадцать минут второго. И часы шли в обратную сторону, как это было видно по движению стрелки секундной!

И прозвучал внутренний голос, и внутренний голос сказал Чарли: как бы тебе ни было страшно, продолжай вспоминать. Помнишь, как ты устроил себе веселую жизнь с третьим разделом учебника алгебры, когда первый и второй ты прогулял, как и оба раздела геометрии, а чтобы сдать третий раздел, нужно было вывернуться наизнанку, причем по алгебре экзамен принимала мисс Морган, а она была что твой арифмометр, только с акульными зубами? И помнишь, как незадолго до экзамена ты ее спросил о чем-то, что поставило тебя в тупик, а потом, когда она ответила, ты задал второй вопрос... И тут перед тобой распахнулась дверь, о существовании которой ты даже не подозревал... и мисс Морган, эта леди с мертвенно-холодной миной на лице, бесчувственно-бесчеловечный жандарм, ярая сторонница жесткой дисциплины, вдруг оказалась совсем не тем, чем казалась. Она просто ждала, когда к ней подойдет кто-нибудь из тех, для кого алгебра – нечто большее, чем написанное в учебнике, и станет задавать вопросы. И похоже было, что мисс Морган уже отчаялась встретить такого человека. Почему так получалось? Да потому, что она математику любила так, что все прочие проявления любви в этом мире казались лишь жалким суррогатом чувства, которое она питала к этой науке. И она считала минуты, ожидая, что кто-нибудь из ее учеников подойдет, задаст вопрос, и она широко распахнет ему двери в сияющее царство своей любви... Ждала, потому что знала, что умирает от рака, о котором, кстати, никто и не подозревал – просто однажды она взяла, да и не пришла на работу.

Чарли Джонс посмотрел на серебристый овал на стене и пожалел, что мисс Морган сейчас не с ним. Жаль, что не было с ним и Лоры. Он помнил их столь отчетливо, хотя мисс Морган отделяли от Лоры годы и годы (а сколько лет пролегло между ними и мной?). Хорошо было бы, если бы здесь оказалась и мама, и та, рыженькая, из Техаса. (Техаска была его первой; а как, интересно, она поладила бы с мамой? А как бы Лора поладила с мисс Морган?)

Он был не в состоянии прервать поток воспоминаний. Не хотел, да и боялся. Потому что, пока он сохранял в себе способность вспоминать, он оставался Чарли Джонсом. Даже в абсолютно незнакомом месте, не зная, который нынче час, день и год, он не был потерян для себя и для мира. Никто не потерян, пока знает, кто он, и что он из себя представляет.

Застонав, Чарли с трудом встал. Он был так слаб, а голова его кружилась так сильно, что удерживать равновесие он мог, лишь расставив широко ноги, а чтобы сделать несколько шагов вперед, ему пришлось балансировать руками, как это делают канатоходцы. Он двинулся к овалу, слабо светящемуся на стене, потому что это была единственная цель, к которой можно было двигаться. Но едва он сделал первый шаг, как его понесло по диагонали в сторону – как в комнате смеха на Кони-Айленд, где тебя закрывают в комнате с зелеными зеркалами по стенам, а потом раз пять или шесть подряд меняют угол наклона пола, и ты, не имея никакой связи с миром за стенами комнаты, начинаешь блуждать, по-дурацки тыкаясь в углы. Сейчас Чарли чувствовал нечто подобное. Впрочем, у него было преимущество – он знал, кто он таков, и, вдобавок, что он болен. Доковыляв до пологого закругления, где пол становился стеной, он опустился на колено и хрипло произнес:

– Я – это не я, только и всего.

Но, услышав собственный голос, он тут же вскочил и прокричал:

– Вот уж нет! Я – это я!

Чарли двинулся вперед, к овалу, верхний край которого оказался чуть выше его головы, и так как ухватиться там было не за что, он просто уперся в стену.

Овал, который оказался дверью, подался.

Открылся выход, и вдруг оказалось, что Чарли уже ждали – улыбающийся некто, одетый столь странно, что Чарли едва не задохнулся от удивления и страха.

Выдавлив из себя «О, прошу прощения!», он рухнул лицом вперед.

Херб Рейли живет в Хоумвуде, где владеет участком в сто пятьдесят на двести тридцать футов, который одним концом выходит на Бегония-драйв, а другим – прилегает к земле Смитти Смита. Участок Смита, размерами точно такой же, как участок Рейли, упирается в Калла-драйв. У Херба дом в два уровня, у Смита – одноэтажный. Соседи справа и слева от дома Рейли тоже живут в двухуровневых домах.

Херб заворачивает к дому, высовывает голову из окна автомобиля и давит на клаксон:

– А вот и я!

Джанетт возится с газоном. Газонокосилка громко урчит. Услышав клаксон, Джанетт едва не подпрыгивает от неожиданности. Нажав ногой на выключатель, она дожидается, когда заглухнет мотор и, улыбаясь, бежит к машине.

– Папа! Папа!

– Папочка!

Дейви – пять лет, Карен – три года.

– О, милый! Почему ты сигналишь?

– Закончил с «Аркадией». Босс и говорит – поезжай-ка домой, Херб, к деткам. А ты классно выглядишь!

На Джанетт – шорты и футболка.

– Я сегодня – хороший мальчик, – радостно кричит Дейви и лезет к отцу в боковой карман.

– Я тоже хороший мальчик! – заявляет Карен.

Херб смеется и, подхватив дочку, подбрасывает ее в воздух.

– И какой же замечательный мужчина из тебя вырастет!

– Перестань, Херб! – говорит Джанетт. – Ты ей совсем мозги запудришь! Кстати, про торт не забыл?

Херб опускает Карен на землю и поворачивается к машине.

– Смесь для торта? Лучше уж сделать самому.

Джанетт застонала. Херб, пытаясь успокоить жену, поспешил продолжить:

– Никаких проблем! Все сделаю сам. Получится еще лучше, чем у тебя. Все, что мне нужно, это масло и рулон туалетной бумаги.

– А сыр?

– Черт побери! Заболтался с Луи!

Херб забирает привезенные свертки и отправляется в дом, переодеться. Как только он скрывается за дверью, Дейви кладет ногу на выключатель газонокосилки. Головка цилиндра почти раскалена, а Дейви – босой. Когда Херб выходит из дома – уже в шортах и футболке, – то слышит, как жена успокаивает сына:

– Ну, не реви! Будь мужчиной!

Как будто одни только чувствительные девицы хлопаются об пол! Да от чего угодно можно упасть! Яркий свет фонаря в лицо, невидимые ступеньки, уходящие вниз, – и ты уже летишь! И все-таки это скорее женщина, чем мужчина. Во-первых, одежда. Правда, сидя взаперти, он только о женщинах и думал – Лора, мама, мисс Морган, та рыжеволосая бестия из Техаса! И он понимал, почему даже самый беглый взгляд на это существо любого заставит подумать то же, что подумал он, Чарли. Правда, успел увидеть он немного, потому что лежал на спине, на чем-то упругом и не таком мягком, как пол в серебристой комнате, на чем-то, что скорее напоминало операционный стол в обычной больнице. Кто-то аккуратно возился со ссадиной на его лбу, прикрыв остаток лица и глаза влажной тканью с запахом ведьминоного ореха. Этот «кто-то» говорил с ним, и, хотя Чарли не мог разобрать ни слова, голос не казался женским. Конечно, это был не бас, но – все-таки – принадлежал явно не женщине. И, кстати, что

вы скажете о наряде этого существа? Представьте короткий пляжный халат алого цвета, с поясом, открытый сверху и снизу. Сзади, на спине, длинные прорезы, а венчает всю конструкцию воротник, возвышающийся над головой, похожий на спинку обитого стула и почти такой же большой. Сзади халат заканчивается длинными фалдами, напоминающими ласточкин хвост, – точь-в-точь как фалды старинного фрака. Спереди, ниже пояса – короткая шелковая накладка, похожая на ту, что шотландцы носят поверх килта и называют «спорран». Мягкие – не то носки, не то полусапожки, доходящие до середины голени, такого же цвета, что и халат.

Чем бы ни орудовал странный врачеватель, боль в голове отпустила с ошеломляющей быстротой. Пару минут Чарли лежал неподвижно, опасаясь, что боль вернется и вновь начнет терзать его, но этого не произошло. Он осторожно поднял руку, стащил ткань с лица и встретился глазами с человеком, который, улыбнувшись, певуче произнес совершенно непонятную для Чарли фразу с явно вопросительной интонацией.

– Где я? – спросил Чарли.

Человек приподнял брови и засмеялся, после чего поднес пальцы к губам Чарли и коснулся их, одновременно качая головой.

Чарли понял.

– Я тоже вас не понимаю, – сказал он и, приподнявшись на локте, осмотрелся.

Чувствовал он себя гораздо лучше, сил прибывало.

Помещение, в котором он очутился, напоминало несколько раздутую букву «Т». Большую часть вертикальной черты буквы занимала та комната, где Чарли очнулся, и она походила на тыкву с крылышками. Дверь туда была открыта, и из места его недавнего заточения лился холодный серебристый свет.

Верхняя перекладина буквы «Т», от пола до потолка, заканчивалась единой прозрачной панелью, похожей на витрину, которую Чарли когда-то видел в большом универмаге. Торцевые концы буквы были задрапированы занавесями – там, вероятно, находились двери.

От того, что Чарли увидел сквозь прозрачную панель, могло захватить дух. Поле для игры в гольф, особенно хорошо ухоженное, способно порадовать глаз своим ровным травяным покрытием. Но здесь это покрытие тянулось на многие мили! То тут, то там по необъятному полю были разбросаны купы тропических деревьев. Пейзаж, казалось, стремился порадовать наблюдателя разнообразием и ярким цветом растительности, в основном – пальм. Росли здесь равенала мадагаскарская, ливистона австралийская, кокосовая пальма, крохотуля пальметто. Вся эта красота перемежалась зарослями древовидных папоротников и цветущих кактусов. Роскошный баньян высотой не менее ста футов венчал живописные каменные развалины, которые, казалось, были специально возведены здесь исключительно из эстетических соображений. Корни баньяна обнимали глыбы развалин, а многочисленные стволы дерева несли на себе сочную, глянцево сверкающую листву.

С точки, где находился Чарли (а по его прикидкам это мог быть двенадцатый, а то и четырнадцатый этаж здания, стоявшего к тому же на возвышении), виднелось единственное строение, вид которого красноречиво говорил – такое построить невозможно!

Возьмите дурацкий колпак какой-нибудь особо удлиненной формы и согните его примерно на четверть окружности, после чего ткните острием в землю и уходите, оставив тяжелое основание, поддерживаемое непонятно чем, балансировать в воздухе. Теперь представьте, что эта штукавина, но гораздо большего масштаба, высится перед вами; размер ее составляет более четырехсот футов, а по наружным стенам рассыпаны, словно горсти бриллиантов, окна, поражающие глаз приятной асимметричностью, а также странно расположенные изогнутые балконы, которые висят, как будто не касаясь стен, словно сами по себе. Такой вот занятный домик!

Чарли поочередно смотрел то на здание, то на стоящего рядом с ним человека, и вдруг поймал себя на том, что рот его открыт, а нижняя челюсть отвисла. Это существо выглядело

как человек, и одновременно что-то в его внешности резко контрастировало с человеческими чертами. Глаза отстояли друг от друга слишком далеко, были чересчур вытянутыми и располагались скорее по бокам головы, чем спереди. Подбородок сильный и мягкий, зубы ровные и крупные, нос большой, а ноздри вырезаны столь выразительно, что могли бы принадлежать какой-нибудь особенно породистой лошадке. Чарли уже знал, что пальцы у незнакомца сильные и мягкие – как и все тело. Торс, правда, был чуть длинноват, а ноги – несколько короче тех, что нарисовал бы Чарли, если бы был художником. И, конечно, эти дикие одежды...

– Я на Марсе, – дрожащим от страха голосом проговорил Чарли Джонс, одновременно подозревая, что сошел с ума. И бесполезным жестом указал на здание.

К его удивлению, незнакомец кивнул и улыбнулся теплой, ободряющей улыбкой, после чего показал рукой на Чарли, на себя, на дом, сделал шаг вперед, к окну, и жестом пригласил своего гостя последовать за ним.

Ну, а почему бы и нет? Чарли бросил долгий взгляд на дверь, из которой по-прежнему струился серебристый свет. Хотя испытывать теплое чувство к комнате, в которой он некоторое время находился, было и не за что, все-таки это было единственное здесь знакомое ему место.

Незнакомец, словно поняв чувства Чарли, вновь ободряюще махнул рукой в сторону странного здания.

Чарли нерешительно улыбнулся и кивнул.

Человек быстро взял его под руку и пошел, но не к задрапированным концам помещения, а прямо к окну. А потом – через окно и наружу!

Но – уже без Чарли, который вырвался и, бросившись назад, ухватился за стол.

Незнакомец стоял по ту сторону окна, опираясь лишь на прозрачный воздух, и, по-прежнему улыбаясь, жестом приглашал Чарли последовать за ним. Он звал его и голосом, хотя Чарли ничего не слышал – несмотря на то, что незнакомец оказался по ту сторону окна, само окно осталось на месте и отделяло помещение комнаты от внешнего пространства, и Чарли это отлично осознавал, как осознает замкнутость пространства любой человек, оказывающийся внутри него. И тем не менее это ярко одетое существо оказалось по ту сторону окна, никоим образом не нарушив его целостности, и теперь, весело и немного нетерпеливо улыбаясь, приглашало Чарли присоединиться.

Да, вот оно – время принятия решения! Но никакого желания принимать хоть какие-нибудь решения Чарли не ощущал. Тем не менее, опустившись на колени, он медленно подполз к окну и протянул руку к панели. Панель была на месте, он отлично видел ее, но в том месте, где она должна была находиться, рука Чарли наткнулась на пустоту. Он протянул руку чуть дальше, на пару дюймов за пределы комнаты.

Незнакомец, продолжая смеяться (но совсем не над Чарли, в чем тот был совершенно уверен), приблизился, двигаясь по пустоте, и протянул руку. Чарли отпрянул. Человек нагнулся и похлопал по невидимой поверхности, удерживающей его тело. Затем выпрямился и несколько раз топнул ногой.

Не было никаких сомнений – он стоял на чем-то твердом и вполне надежном! Чарли вспомнил, как в аэропорту Сан-Хуан как-то увидел старую индианку, которая, совершив свой первый полет на самолете, впервые столкнулась с эскалатором. Подойдя к нему, она отскочила назад и, отчаянно упираясь, никак не хотела ступить на бегущую вверх дорожку, пока крепко сбитый молодой человек не подхватил ее и не поставил на нижнюю ступеньку. Индианка ухватилась за поручень и все время, пока эскалатор нес ее вверх, истошно вопила, а добравшись до верхнего этажа, принялась истерично хохотать.

Нет, Чарли не станет вопить. Хотя и рисковать не будет, а двинется вперед ползком. Бледный как смерть, он дотянулся сквозь панели до места, по которому хлопал ладонью незнакомец, и, в свою очередь, хлопнул.

Ладонь его встретила с чем-то твердым и на ощупь вполне надежным.

Продвигаясь вперед на коленях, вытянув вперед одну руку, стараясь не смотреть вниз, он проскользнул через панель и очутился снаружи. Под ним было всего футов двести пустоты, но они показались ему двумя милями.

Он вновь услышал голос своего невольного спутника. Тот, по-прежнему смеясь, жестом позвал Чарли двигаться дальше, но тому хватило и того пространства, что он уже осилил. Тогда, к ужасу Чарли, незнакомец подскочил к нему, поднял на ноги и, взяв его руку, опустил ее на нечто невидимое, но твердое, что располагалось на уровне пояса. Вот как! Перила!

Чарли устоял на свою правую руку, которая судорожно сжимала пустоту, наполненную тем не менее чем-то вполне надежным. От напряжения костяшки его пальцев побелели, а кожа на руке натянулась. Он протянул вторую руку, положил ее на перила рядом с первой и, покрепче ухватившись, огляделся. Вокруг простирались ровные зеленые поля с островками деревьев и кустов, дул легкий ветерок. Спутник Чарли произнес что-то своим певучим голосом и кивком головы показал вниз. Следуя этому жесту, Чарли глянул на землю, и у него перехватило дыхание. Слов незнакомца Чарли не понял, но, судя по интонации, это было нечто весело-зазорное, типа: «Ну что, летим вниз, старина?» Чарли, нервно сглотнув, заставил себя кивнуть, и они ухнули в разверстую под ними бездну.

Чарли издал вопль, ничуть не похожий на смех.

Бон-Тон-Эллис – развлекательный центр с кегельбаном и, естественно, хорошим баром. В последнее время здесь появилось много чего нового и ранее невиданного. К примеру, на столах красуются вторые подставки для салфеток – для крохотных душистых салфеток, которыми милые дамы снимают помаду с губ. Окна теперь закрыты пышными занавесками в деревенском стиле, а стойка с кренделями и всяческой выпечкой внизу задрапирована цветастой тканью. Барменша, прежде гордо возвышавшаяся перед рядом бутылок, сейчас спускается в зал и обслуживает столики. Да и вместо обычного раньше баночного пива теперь подают вермут с содовой – едва ли не с поклонами и реверансами. Грубые бильярдные столы разобраны и вынесены, а на их месте воздвигнут сувенирный киоск.

Именно здесь сегодня вечером сидят Джанетт Рейли и ее соседка Тилли Смит над честно заработанным (особенно это относится к Тилли, первоклассному игроку в боулинг) мятным мороженым со сливками. Сидят и обсуждают насущные дела.

– Бухгалтерский учет есть бухгалтерский учет, – говорит Джанетт, – а копирайтинг – это копирайтинг. И я в толк не возьму, какого черта старому пивному пузану торчать все время в производственном отделе.

Тилли пригубливает из своего стакана и касается своей порции мороженого кончиком языка.

– Корчит из себя босса, – отвечает она фразой, которая, как ей кажется, объясняет все. Ее муж работает в отделе связей с общественностью компании «Кавалер Индастриз».

Джанетт хмурится. Херб трудится в агентстве, которое пашет на «Кавалера».

Тилли зеваает. Ее муж несколько старше, чем Херб, и, в известном отношении, более крут.

– С этим народом из бухучета управляться легко, – говорит она. – Они отлично понимают, с чем имеют дело.

– А если не понимают?

– Помнишь старого Трайзера, который работает в «Кавалере»? – спросила Тилли. – Один парень из тамошнего молодняка – только не спрашивай кто, – решил, что у них в отделе стало тесновато. Он поговорил с глазу на глаз с главным боссом, сказал, что Трайзер уже мышей не ловит, и, чтобы доказать это, он готов время от времени отправлять Трайзеру липовые счета, которые тот станет принимать за реальные. В общем, заключили пари.

– И что дальше? – спросила Джанетт, возбужденная чуть больше, чем предполагала ситуация.

– Старина Трайзер учуял, что этот парень под него копает, и когда липовые счета пошли, он стал их собирать, и скоро набрал достаточно толстую пачку, чтобы можно было тому проломить башку. Но паренек был тоже не дурак, липу посылал осторожно, по листочку в день, и все это длилось недель пять, а за эти пять недель главному боссу все осточертело, он вышиб старину Трайзера из отдела и отправил куда-то наверх, в управление, где его желание быть всех умнее могло повредить только ему самому.

– Перехитрил самого себя, – усмехнулась Джанетт. – А этот выскочка – хитрый малый.

– Да уж! Попробуй укуси!

Джанетт вдруг просияла.

– Слушай! «Попробуй укуси!» – отличное название для первоклассной пекарни, – сказала она. – Если ты не против, я Хербу передам. Они как раз собираются оседлать одну кондитерскую компанию. Мороженое и булочки. Только никому ни слова, договорились?

Конечно, она расскажет Хербу, но перед этим заставит его как следует попрыгать.

На полусогнутых ногах Чарли приземлился на весенний травяной покров. Его спутник, твердой рукой обхватив его за талию, помог ему сохранить равновесие. Чарли перевел дух и выпрямился, после чего осмотрелся. Осмотревшись, он содрогнулся, отчего незнакомец еще крепче прижал его к себе. Чарли сделал над собой усилие, усмехнулся и освободился от крепкой хватки своего спутника. Тот заговорил, подкрепляя слова жестами, из которых Чарли стало понятно, что он извиняется за причиненное гостю легкое, хотя и унижительное, неудобство. Чарли вновь усмехнулся и легонько хлопнул незнакомца по спине.

Затем он посмотрел наверх, туда, откуда они только что спустились, и, отойдя на несколько шагов, бегло оглядел здание. Строение поражало своими размерами, его массивная верхняя часть нависала над ними как гигантский кулак. Оно было не менее нелепым, чем тот дом, что он увидел первым, хотя в их архитектуре имелись и некоторые различия – первый был конусообразным, этот же напоминал заваливающееся набок веретено.

Чарли и его спутник двинулись по газону, на котором не было ни дорожек, ни тропинок. Вокруг сновали существа, обликом подобные незнакомцу. Чарли боялся, что будет привлекать нездоровое внимание – его спутник по-прежнему поддерживал его за талию. Но он ошибся – никто не глазел на них, не толпился вокруг, хотя, приветствуя Чарли и его спутника, эти странные люди и посматривали с любопытством на наряд Чарли, который, естественно, казался им более чем странным.

Обойдя здание, они подошли к бассейну, в котором плескались человек пятьдесят, если не больше. В качестве купальных нарядов на них были те самые шелковистые «спорраны», которые прилегали к их телам без всяких видимых ремешков или тесемок, но к этому моменту Чарли был уже готов принять это как данность. Купальщики несколько торжественно приветствовали Чарли – кто улыбкой, кто произнесенным словом; и все они как один были рады его спутнику.

Отойдя от бассейна и двигаясь в сопровождении своего провожатого сквозь толпу местных жителей, Чарли увидел великое множество разнообразных стилей и форм одежды, причем, если люди шли парами, то в нарядах почти полностью идентичных. Чарли отметил это, хотя значение данного подобия ему пока не открылось. Чего тут только не было, помимо обычных для всех «спорранов»: светящиеся оранжевые ленты, обвивавшие предплечья, широчайшие шаровары, огромные, похожие на крылья, воротники, подобные церковным шпилям шляпы, сандалии на платформе. Разнообразию не было видно конца, но что отличало все без исключения костюмы, так это изысканность и богатство тканей. Очевидно, костюм местные жители воспринимали исключительно как средство украсить себя; на свои тела они обращали куда меньшее внимание.

Как ни странно, но женщин среди них Чарли не приметил.

Занятое местечко. Воздух бодрил, а небо, хотя и излучало серебристое сияние, которое он видел в той комнате, где очнулся, было затянуто дымкой. Вокруг раскинулись пышные цветники, источавшие густые ароматы и поражавшие сочетанием необычных оттенков. Некоторые сорта цветов Чарли видел впервые. На невероятном по степени ухоженности газоне не было видно ни сорняка, ни проплешины, хотя и возле здания, и вдали от него по траве сновали сотни людей.

Чарли провели вокруг здания, потом через галерею, которая плавно изгибалась влево, при этом спутник Чарли предусмотрительно не отпускал его руки. Не успел он удивиться этому обстоятельству, как они резко полетели вниз и, пролетев футов шестьдесят, оказались в месте, отдаленно напоминающем станцию метро. Но никакого поезда ждать им не пришлось; Чарли последовал за своим спутником прямо к краю платформы и, сделав шаг, оказался на невидимой поверхности – точь-в-точь такой же, как и та прозрачная субстанция, которая помогала им совершать их резкие падения.

Незнакомец вопросительно взглянул на Чарли, тот, изготовившись принять все, что бы ни случилось, кивнул, и они полетели сквозь туннель, хотя Чарли и не заметил, чтобы его спутник подал какой-то сигнал этой странной транспортной системе. Стоя на невидимой ленте туннеля, Чарли не ощущал ни рывков, ни толчков, хотя скорость движения, судя по всему, была невероятной. Через считанные секунды они остановились у другой платформы и, пройдя по ней, вошли в боковой квадратного сечения туннель, из которого их вынесло наверх, на первый этаж здания-конуса. Все это время Чарли старался держать под контролем биение собственного сердца и желудочные позывы.

Они вышли в помещение центрального холла, вдоль стен которого быстро двигались местные жители – кто-то на невидимых лифтах отправлялся на верхние этажи, кто-то спускался. Развешивающиеся в движении одеяния, всеобщее многолюдье – все это создавало ошеломляющее впечатление. Яркости и красоте впечатлений, которые переживал Чарли, способствовала мягкая музыка. Сначала он подумал, что звуки музыки льются из невидимых динамиков, но, приглядевшись, заметил, что это поют спешащие вокруг люди – поют негромко, почти себе под нос, но в стройной, безупречной гармонии.

Когда же Чарли и его спутник приблизились к дальней стене, Чарли увидел нечто, ошеломившее его настолько, что он даже не заметил, как невидимый лифт быстро поднял его на высоту двухсот футов, подобно перышку. Его повели по коридору, а он все не мог оправиться от потрясения – вся его система ценностей, все его представления о жизни оказались перевернутыми, поставленными с ног на голову.

Двое мужчин, которые прошли мимо них в центральном холле, были беременны, и в этом не могло быть никакого сомнения!

Чарли искоса посмотрел на своего улыбающегося спутника, на его лицо с правильными крупными чертами, мускулистые руки и крепкие ноги... Хотя подбородок был слишком мягким, а грудные мышцы – слишком развитыми, с ареолой чуть более крупной, чем это обычно бывает у мужчин. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Правда, и вырез глаз был не вполне... Но тогда что же получается? Если «он» – женщина, тогда они все – женщины, так? А где же, в таком случае, их мужчины?

Чарли вспомнил, как легко его спутник управился с ним, когда они в первый раз поехали на лифте – в этих мощных руках он, Чарли, чувствовал себя новорожденным младенцем. Но если у них такие сильные женщины, какой же силой должны обладать местные мужчины?

Он подумал о гигантах в двенадцать-пятнадцать футов ростом.

А затем вдруг представил себя, скованного цепями в подвале этого дикого здания, а вокруг – людей в медицинских одеждах...

И Чарли занервничал.

– Куда вы меня ведете? – громко спросил он.

Его спутник улыбнулся, кивнул и ухватил Чарли за руку так крепко, что у того не осталось выбора, и нужно было повиноваться.

Они подошли к комнате.

Створки двустворчатой двери со щелчком разошлись, Чарли и его сопровождающий вошли внутрь, и дверные створки тотчас же бодро сошлись за их спинами.

Чарли обернулся и сделал шаг к двери. Никто его не удерживал. Но, чтобы открыть такую дверь, нужно не менее десятка человек. К тому же, на гладкой поверхности отсутствовала хоть какая-нибудь ручка.

Он посмотрел на сидящих в комнате людей.

Они посмотрели на него.

Херб Рейли отправляется в гости к Смитти. Детей он уложил, и с ним его электронная нянька размером с портативный радиоприемник. Херб стучит в дверь, и Смитти впускает его в дом.

– Привет!

– Привет!

Херб проходит к электророзетке, которая торчит из стены возле буфета в гостиной, и подключает няньку. После чего поворачивается к хозяину и спрашивает:

– Что делаешь?

Смитти подхватывает на руки младенца, которого несколько мгновений назад положил на кушетку, чтобы открыть дверь, и кладет его себе на плечо, поддерживая за спинку. Младенец, как тряпочка, растекается по груди и плечу отца.

– Что делаю? – переспрашивает Смитти. – Сiju на хозяйстве, пока босс не вернулся. Точнее – пока не вернулась.

– Попал под каблук?

– А что, у себя в доме ты – босс?

– Мы можем шутить сколько угодно, – покачал головой Херб, – но если ты всерьез, то у меня для тебя заготовлен прямой и честный ответ.

– Дай же мне прямой и честный ответ, – ухмыльнулся Смитти, поглаживая спинку младенца.

– У таких людей, как мы с тобой, в доме больше нет босса.

– Точно! Я давно думал, что все выходит из-под контроля.

– Я не это имел в виду, приятель, – проговорил Херб.

– А что ты имел в виду, приятель?

– Семья в наше время – это команда. Тут многие вопят по поводу того, что женщины нас побеждают. Никого они не побеждают. Они просто лучше нас понимают, что семья – это не поле боя.

– Интересная мысль, – качает головой Смитти и, почти без паузы, нараспев выдает:

– Ах, ты, мой хороший мальчик!

– Кто, я? – ошарашенно смотрит на него Херб.

– Да не ты, а мой пацан! – смеется Смитти. – Только что срыгнул.

– Ну-ка, дай его мне! – протягивает руки к младенцу Херб. – Сколько уж лет не возился с малышами!

Это при том, что дочери Херба Карен – всего три года.

Херб забирает младенца у соседа, подхватывает его под мышки и на вытянутых руках держит перед собой, при этом мокрый подбородок ребенка утопает в слюнявчике.

– Тату-тату-тату... – начинает Херб.

Несколько мгновений ребенок настороженно смотрит на Херба широко раскрытыми миндалевидными глазами, и вдруг его рот растягивается в широкой беззубой улыбке, на левой щеке появляется ямочка, а изо рта доносится счастливое гуление.

– Смотри-ка, улыбается! – радостно говорит Херб.

Смитти заходит сзади, чтобы посмотреть. Он явно под впечатлением.

– Ишь ты, черт побери! – говорит он, после чего подхватывает:

– Тату-тату-тату...

– Ритмичнее! – настаивает Херб. – Тату-тату-тату...

– Тату-тату-тату...

– Тату-тату-тату...

Ребенок прекращает улыбаться и ошеломленно переводит глаза с Херба на Смитти и наоборот.

– Ладно, хорош! – говорит Смитти. – А то у него сейчас крыша поедет.

Но тем не менее сам Смитти не останавливается:

– Тату-тату-тату...

Это производит на младенца столь сильное впечатление, что он начинает кашлять, а потом икать.

– Ну вот, черт побери, – говорит Смитти, – пошли на кухню, нужно дать ему воды.

Они отправляются на кухню. Херб несет ребенка, Смитти же лезет в холодильник и, достав оттуда бутылочку с водой, отправляет ее в мягкую пасть электронагревателя. После чего забирает ребенка у соседа и вновь кладет себе на плечо. Младенец продолжает икать. Смитти похлопывает его по спинке.

– Черт бы меня побрал, но я пообещал Тилли прибраться на кухне, – удрученно произносит он.

– Ладно, – говорит Херб, – поработаю-ка бойскаутом. Руки у тебя все равно заняты.

Он берет со стола одну за другой грязные тарелки, счищает с них в контейнер для мусора остатки еды и складывает в раковину. Включает горячую воду. Все это он делает почти автоматически, потому что во всей округе, во всех домах – у него, у Смитти, у соседа справа, соседа слева, соседей дальше по улице, – совершенно одинаковые кухни и одинаковые раковины. Берет бутылку со средством для мытья посуды и скептически кривит губы.

– Мы таким больше не пользуемся, – говорит Херб.

– А что так? – интересуется Смитти.

– Руки становятся ни к черту, – отвечает Херб. – Теперь у нас «Лано-Лав». Немного подороже, но...

Он любит заканчивать предложения этим «но...».

– «Подороже возьмешь, зато ручки спасешь»? – говорит Смитти, цитируя рекламное объявление.

– Да, это реклама, – кивает Херб, – но на этот раз они не врут.

Он поворачивает «горячий» вентиль, потом «холодный», добивается нужной температуры, прыскает на губку средством для мытья посуды и принимается за дело.

В комнате находились четверо. Пятым был его спутник. Двое были одеты совершенно одинаково: яркие зеленые пояса, а на бедрах – некое подобие пышных кринолинов, хотя и без юбок. На самом высоком из них – Чарли остановился как раз напротив него – было такое же одеяние, как и на его спутнике, только цвета огненного апельсина. Последний, четвертый из собравшихся, был одет в некое подобие купального ансамбля восьмидесятых годов девятнадцатого века, но цвета «голубой электрик».

Чарли обводил собравшихся встревоженным взглядом, и каждый из них отвечал гостю улыбкой. Они живописно возлежали и сидели – кто-то на низкой скамье, а кто-то на рельефных ложах, основания которых, по-видимому, вырастали прямо из пола. Самый высокий сидел за чем-то вроде стола, который, казалось, был возведен вокруг него (или нее) уже после того, как он (или она) уселся (уселась). Теплые дружеские улыбки, свободные позы сидящих – все

это успокаивало, и тем не менее Чарли не оставляло чувство, что все это похоже на стандартные ритуалы, утвердившиеся в современном бизнесе, где тебя встретят с распростертыми объятьями, предложат виски и сигарету, а потом оторвут башку.

Тот, что был одет в зеленое, заговорил на своем птичьем языке с оранжевым коллегой, жестами показывая на Чарли, и рассмеялся смехом, который был не слишком похож на смех. Затем слово взял оранжевый, и в комнате наступило уже всеобщее веселье. После этого спутник Чарли вдруг упал на колени, полуприкрыв глаза, изобразил на лице дикий испуг и пополз вперед, ощупывая пол перед собой дрожащей рукой.

Собравшиеся едва не взвыли.

Чарли почувствовал, как горят его уши, – эффект, который ощущал всегда, когда злился или находился под воздействием алкоголя.

– Так вы надо мной потешаетесь? – пробубнил он себе под нос.

Собравшиеся, не переставая смеяться, недоуменно посмотрели на Чарли, в то время как его спутник продолжал разыгрывать сценку с участием человека двадцатого века, который испугался встречи с простым лифтом.

Что-то взорвалось внутри Чарли Джонса, которого до этого бросали, толкали, швыряли, роняли всеми возможными способами, ставили в дурацкое положение, над которым издевались все кому не лень, и чаша терпения у которого переполнилась. Извернувшись, он что есть силы приложился ногой, прошедшей неплохую подготовку в школьные годы, к задней нижней точке своего согбенного спутника, да так удачно, что тот, кувыркаясь, перелетел через всю комнату, приложившись к полу физиономией, и остановился у самых ног оранжевого.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

Спутник Чарли Джонса медленно поднялся, потирая ушибленное место.

Прижавшись спиной к входной двери, Чарли Джонс ждал. Один за другим собравшиеся подняли на него глаза, но в них Чарли не прочитал ни ярости, ни особого удивления – только печаль, которая тем не менее показалась ему более злобещей, чем самая крайняя степень гнева.

– Ты напротился, – сказал он, повернувшись в сторону своего спутника. – Сам виноват.

Один из присутствующих проговорил что-то воркующим тоном, другой негромко ответил. Спутник Чарли подошел к нему и, стараясь быть как можно более понятным, жестами показал, как он огорчен и каким свиньей (какой свиньей) он был (она была), так обидев гостя. Чарли понял послание своего спутника, но был озадачен – если тот понимал, что был неправ, какого черта он вообще затеял этот спектакль?

Огненно-оранжевый медленно встал и вышел из-за своего стола. Сохраняя на лице дружеское и одновременно печальное выражение, он произнес трехсложное слово и жестом указал на стену за спиной. В стене открылась дверь, и все присутствующие, за исключением Чарли, одобрительно заворковали и стали показывать Чарли на открывшееся за дверью помещение, приглашая его за собой.

Тот двинулся вперед, но ровно настолько, чтобы посмотреть на то, что находилось по ту сторону дверного проема. Он ожидал увидеть примерно то, что увидел: комната была переполнена незнакомыми, нелепыми с виду и странно расставленными приборами и приспособлениями, мешанина которых не смогла скрыть от Чарли главный предмет из всего, что там находилось, и этот предмет Чарли не понравился. Это был оббитый чем-то мягким и прочным стол, на одном конце которого было закреплено нечто, похожее на шлем, а по краям и внизу находились скобы, явно предназначенные для фиксации рук и ног. Операционная!

Нет, Чарли это было не по душе! Он попытался, но за его спиной стояли трое. Развернувшись, Чарли хотел было ударить кулаком того, кто стоял ближе всех, но руку его захватили и удержали, а самого оторвали от пола. Он попытался лягнуть кого-нибудь, но чья-то сильная обнаженная нога захватила и обездвижила его ноги. Огненно-оранжевый подошел к нему, улыбаясь и словно прося прощения, и прижал к его руке белый шарик размером с шар для

настольного тенниса. Шарик щелкнул и опал. Набрав воздуха в легкие, Чарли вознамерился заорать, но, сколько он потом ни старался вспомнить, заорал он тогда или нет, так и не вспомнил.

– Видал такие? – спрашивает Херб.

Они сидят в гостиной. Херб лениво перелистывает страницы газеты, Смитти поит водой младенца, искусно удерживая его на полусогнутой руке.

– Какие? – переспрашивает он.

– Короткие трусы. Мужские.

– Ты имеешь в виду нижнее белье?

Херб качает головой.

– Нет, – говорит он. – Купальные. Еще меньше, чем бикини. Черт, да они весят не больше четверти унции.

– Купил себе?

– Черта с два. Сколько они там стоят?

Херб принимается изучать детали рекламного объявления.

– Полтора доллара за штуку, – говорит он.

– Зайди в дисконтную лавочку на Пятой авеню, возьмешь пару за два доллара семьдесят три цента.

Херб продолжает вдумчиво рассматривать иллюстрацию.

– Есть белые, черные, бледно-желтые и розовые.

– Угу! – хмыкает Смитти.

Он осторожно извлекает соску изо рта ребенка. Икота прошла, тот спит.

– Ну, давай, Чарли! Просыпайся.

О, мама, еще четыре минуты, я не опоздаю, честно, я же пришел в два ночи, и я надеюсь, что ты никогда не узнаешь, как я набрался накануне, не обращай внимания! Который час? Мама!

– Чарли! Я выразить не могу, как мне жаль...

Жаль? Лора, я же хотел, чтобы у нас все прошло идеально. Но кто, в реальной жизни, заканчивает одновременно? Ну, перестань! Это легко исправить. Давай попробуем еще... О, Чарли...

– Чарли? Твое имя – Чарли? Можешь называть меня просто – Рыжая.

...однажды, когда ему было лет четырнадцать (он помнил, помнил!), среди его друзей была девочка по имени Руфь. Как-то на вечеринке они затеяли игру с поцелуями – парочке выпадала очередь, и они отправлялись на «почту», в которую превратился широкий темный тамбур между входными дверями и дверями в гостиную в старинном доме на Сэнсом-стрит. Всю вечеринку Чарли не сводил с Руфи глаз. У нее была теплая на вид оливковая кожа и блестящие, короткие, иссиня-черные волосы. Облик ее дополнял негромкий голос, тонкие, изящно вырезанные губы и застенчивый взгляд. На Чарли каждый раз она смотрела не больше мгновения, и под оливковой кожей он не смог бы увидеть румянца, но, даже не видя этого, он понимал, что она краснеет. И когда гогочущие и хихикающие приятели выкрикнули его имя, а потом ее, и они должны были пойти на «почту» и закрыть за собой дверь, единственное, что он смог произнести, так это залихватское – «Сейчас все будет, не проблема»!

Он раскрыл перед ней дверь, и она, сделав несколько осторожных шажков, скользнула в темноту тамбура, так низко опустив глаза, что, казалось, они у нее полностью закрыты, а ее длинные ресницы касаются теплых щек; плечи ее округлились от напряжения, а пальцами она судорожно сжимала запястья. Сзади же молодняк продолжал хихикать, постанывать и причмо-

кивать, изображая страстные поцелуи. Чарли широко ухмыльнулся, вошел и закрыл за собой дверь.

А внутри молча стояла она, и ему захотелось показать себя бравым сердцеедом, известным своими победами. Он подошел и крепко взял за плечи. И Руфь впервые подняла на него свои умные застенчивые глаза и позволила ему упасть в их темноту, где он и утонул; и он не знал, сколько прошло времени – годы или же доля секунды, но он вынырнул и произнес: это все, что я хочу сделать, Руфь; и он осторожно поцеловал ее в самую серединку теплого лба, и тут же отстранился, чтобы еще раз заглянуть в глаза девушки, потому что, Руфь, сказал он, это все, что я должен сделать. Ты понимаешь меня, Чарли, выдохнула она... Да, ты понимаешь меня...

– Ты понимаешь меня, Чарли! Конечно, ты меня понимаешь!

Чарли открыл глаза, и туман рассеялся.

Кто-то склонился над ним, но это была не мама, не Лора, не Рыжая, и не Руфь. Над ним нависло то странное существо в красном одеянии, которое привело его в помещение с операционной, и теперь это существо проговорило:

– Ты ведь понимаешь меня, Чарли?

Это был не английский язык, но произнесенные слова были понятны Чарли – так, словно это существо говорило по-английски. Более того, Чарли уловил и различия. Сказанное на этом, ранее непонятном для Чарли, языке, каким-то странным образом несло дополнительные смыслы: «Ты» было не просто местоимением второго лица, но обращением, полным дружелюбия и уважения – так обращаются к родному дяде; глагол «понимаешь» призывал не столько констатировать успешность ментальных процедур, сколько говорил о наличии взаимопонимания, возможного лишь между близкими людьми; в слове «меня» не было и тени превосходства, звучащего в сходной английской фразе – нет, это слово говорило о заботе, желании помочь и утешить.

Чарли абсолютно точно считывал содержательность этих слов, хотя и не понимал пока, что за культурный контекст стоит за ними, но ясно осознавал – если ему захочется сказать что-то подобное по-английски, его поймут, и именно в том ключе, в котором он понял фразу на языке аборигенов. Нечто было добавлено, но ничто не было утрачено.

Он чувствовал себя... просто отлично. Немного хотелось спать, слегка терзал стыд – как он мог быть настолько тупым, чтобы увидеть в этих людях врагов, желающих причинить ему вред!

– Я – Сиес, – проговорил человек в красном. – Ты меня понимаешь?

– Понимаю, – ответил Чарли.

– Пожалуйста, говори на ледомском.

Чарли опознал прозвучавшее слово. Ледом. Этим словом обозначались страна, в которой он оказался, ее язык, а также говорившие на этом языке люди. Безмерно удивляясь самому себе, он произнес по-ледомски:

– Да, я могу говорить на этом языке.

Конечно, он говорил с акцентом, и акцент был вызван скорее всего тем, что его речевые органы чисто физиологически не были готовы использовать новое наречие. Как и всякий иной язык, ледомский был основан на звуках, близких именно ему, а не иным языкам – точно так же, как кельтскому языку, сохранившемуся в Шотландии, свойственен твердый приступ, французскому – обилие назальных звуков, а немецкому – звуков гортанных. Но, так или иначе, ледомский язык был создан для того, чтобы радовать слух, и, осознав это, Чарли вдруг вспомнил, какое удовольствие ему, еще ребенку, доставило разглядывание пишущей машинки с рукописным шрифтом, где хвостик одной буквы цеплялся к головке другой, а та, в свою очередь, примыкала к третьей. Так же вели себя и слоги в ледомском языке – они ласкали ухо и одновременно рот – в гораздо большей степени, чем это делал современный английский. Нечто

похожее звучало из уст англичан в елизаветинскую эпоху, когда английский язык был более звучным. По-ледомски нельзя было говорить со сжатыми челюстями и знаменитым английским оскалом, который со временем так прочно утвердился в родном языке Чарли, что начисто убил культуру понимания по губам.

– Я могу говорить! – воскликнул Чарли на ледомском, и, услышав со всех сторон воркующие поздравления, признал: так счастлив он не был с тех пор, когда, семилетним мальчиком, проплыл свои первые метры вольным стилем и заслужил восторженную похвалу сверстников.

Сиес подхватил Чарли под руку и помог сесть. Чарли осмотрел себя. Оказывается, пока он был без сознания, его переодели в некое подобие больничного халата. Чарли посмотрел на Сиеса. «Я – Сиес» – он уже слышал эти слова несколько раз с тех пор, как оказался в Ледоме, но поскольку, не зная языка, был не способен различать его звуки, то воспринимал их цепочку как нечто бессмысленное. Теперь он все понял и улыбнулся – первый раз с тех пор, как попал в этот странный мир. Увидев улыбку на лице Чарли, хозяева вновь радостно заворковали.

Сиес представил человека в огненно-оранжевых одеждах.

– Это – Миелвис, – сказал он.

Миелвис сделал шаг по направлению к Чарли и произнес:

– Мы очень рады видеть тебя среди нас.

– А это – Филос, – сказал Сиес, показывая на человека в нелепых голубых шароварах.

Тот кивнул и улыбнулся. На лице у него застыло ироническое выражение, а быстрый блеск черных глаз говорил о том, что их владелец знает и умеет многое.

Заканчивая представлять собравшихся, Сиес показал Чарли на «зеленых»:

– Это Назив и Гросид.

Те широко улыбнулись, и Гросид произнес:

– Ты – среди друзей. И мы хотим, чтобы ты знал об этом.

Миелвис, которого его коллеги всеми силами стремились окружить плотной аурой уважения, кивнул и проговорил:

– Именно так, верь нам. И, если тебе что-нибудь нужно, просто скажи.

И все дружным воркованием подтвердили слова Миелвиса.

Чарли, который начинал чувствовать к своим хозяевам все большую симпатию, облизал губы и нерешительно произнес:

– Главное, что мне нужно... так это – информация.

– С удовольствием предоставим любую – все, что ты хочешь знать.

– Тогда, прежде всего, скажите – где я?

Миелвис, бегло глянув на коллег, ответил:

– В Первом медицинском центре.

– Это здание называется Первым медицинским центром, – объяснил Сиес. – А то здание, откуда мы пришли, это Первый научный центр.

– Миелвис – глава Первого медицинского, – подхватил Гросид, и произнесенное им слово «глава» стало означать не только «руководитель», но и «лидер», и «вдохновитель», и несло еще мириады оттенков смысла, которые выражали глубочайшее почтение к главе этого учреждения.

Миевис улыбнулся комплименту и сказал:

– А Сиес – руководитель Первого научного.

Сиес, также с улыбкой на лице, кивнул в сторону Назива и Гросида.

– А они – директора Первого детского центра. Думаю, тебе захочется познакомиться с их хозяйством.

«Зеленые» довольно кивнули, а Гросид приветливо заявил:

– Надеемся, что ты не будешь с этим тянуть.

Чарли озадаченно переводил взгляд с одного из собравшихся на другого.

– Ну, теперь ты видишь («видишь» в его исполнении означало «понимаешь и принимаешь»), что мы все с тобой, и мы здесь все на твоей стороне.

Полный смысл сказанного ускользнул от Чарли, хотя у него и создалось впечатление, что подразумевалось нечто большее, чем то, что было сказано, – как будто ему сейчас представили ни больше ни меньше как королеву Англии, президента США и Римского папу одновременно. Но единственное, что он мог придумать, так это простое:

– Спасибо!

Но и это слово было воспринято с радостью, и тогда Чарли обратил внимание на единственного человека, который не был удостоен специального представления. Это был Филос, тот, что в шароварах.

К удивлению Чарли, Филос ему подмигнул.

Миелвис же произнес небрежно:

– При посредничестве Филоса ты узнаешь все, что для тебя важно и интересно.

И это прозвучало двусмысленно. Миелвис построил фразу так, что было непонятно – Чарли будет изучать Филоса в качестве образчика здешней жизни, или же Филос будет его проводником и учителем по местной действительности. Так бывает, когда человек говорит «я не люблю лук», хотя собирается сказать «лук не любит меня». Во всяком случае, Филос не был удостоен ни особого внимания, ни почестей; да они ему, кстати, не очень-то были и нужны. Вероятно, он просто здесь работал.

Размышления на эту тему Чарли отложил на потом. Подняв глаза, он еще раз посмотрел на стоящих вокруг. Те ответили внимательным взглядом.

И он снова задал свой вопрос:

– Но где я все-таки нахожусь?

– Что ты имеешь в виду под «где»? – спросил Сиес, и, бегло взглянув на коллег, удивленно приподнял брови:

– Он хочет знать, где находится.

– В Ледоме, – ответил Назив.

– А где находится Ледом? – не унимался Чарли.

И вновь последовал обмен недоумевающими взглядами, а Сиес, не скрывая удивления на озадаченной физиономии, повторил, обращаясь к своим коллегам:

– Он хочет знать, где находится Ледом.

– Послушайте, – сказал Чарли, изо всех сил стараясь не расплескать свою чашу терпения, – давайте начнем сначала. Что это за планета?

– Ну, Земля.

– Земля? То есть мы на Земле?

– Именно, на Земле.

Чарли с сомнением покачал головой.

– Что-то непохоже. Никогда не слышал о такой Земле.

Все посмотрели на Филоса, тот пожал плечами и сказал:

– Может быть, и не слышал.

– Наверное, весь фокус в языке, – предположил Чарли. – Если это Земля, то я...

Но сравнение, о котором он подумал, показалось ему чересчур фантастическим, и высказать его перед этими людьми он не решался.

– Я понимаю, – наконец сказал он. – На любом языке планета, на которой живет владеющее им существо, будет называться Землей. То есть Марс для марсианина – это его Земля, Венера для венерианца – тоже Земля.

– Грандиозно! – произнес Филос.

– И тем не менее мы на Земле, – веско заявил Миелвис.

– Это – третья планета от Солнца, так?

Все кивнули.

– А мы говорим об одном и том же Солнце?

– Ничто не бывает одним и тем же в разных точках временного континуума, – проговорил Филос.

– Не сбивай его, – сказал Миелвис голосом жестким, как двутавровая балка и, повернувшись к Чарли, кивнул:

– Да, это то же самое Солнце.

– Но почему вы мне об этом не сказали? – воскликнул Чарли, чувствуя себя крайне неловко оттого, что так разволновался.

– Но мы сказали. Мы ничего не скрывали, – негромко проговорил Сиес. – И какой тебе нужен ответ? Это – Земля. Твоя планета, наша общая планета. Все мы здесь родились, хотя и в разное время.

– В разное время? Ты хочешь сказать, что речь идет о путешествии во времени?

– Путешествии во времени? – переспросил Миелвис.

– Все мы путешествуем во времени, – негромко, словно для самого себя, проговорил Филос.

– Когда я был ребенком, я читал научную фантастику. Много читал. У вас здесь есть что-нибудь подобное?

Собравшиеся отрицательно покачали головами.

– Это были истории главным образом про будущее, хотя и не всегда. И в некоторых рассказывалось про машины времени – специальные устройства, которые могут отправить человека в прошлое или настоящее.

Все не сводили с Чарли неподвижных глаз. Все молчали, и он понял, что вытянуть из них что-нибудь еще будет непросто.

– В чем я точно уверен, так это в том, что это – не прошлое, – проговорил он дрожа.

Страх вдруг овладел им.

– Так это что же – будущее? – тихо спросил он.

– Грандиозно, – почти прошептал Филос.

А Миелвис мягко произнес:

– Мы не думали, что ты столь быстро придешь к такому выводу.

– Я же сказал вам, – проговорил Чарли, – я много читал.

И, к своему ужасу, всхлипнул.

Младенец спит. Из электронной няньки, приемное устройство которой висит между спальнями Карен и Дейви, доносится легкое гудение частотой в шестьдесят герц. Жены пока не вернулись из кегельбана, и в доме Смитти царит мир и покой. Выпивки у них хватает. Смитти, полуразвалившись, сидит на кушетке. Херб устался в экран телевизора. Телевизор не работает, но кресло, в котором устроился Херб, стоит так, что смотреть куда-либо еще физически невозможно – если, конечно, не намерен доставлять себе неудобств. На пустом экране Херб читает собственные мысли, время от времени озвучивая одну из них.

– Смитти! – окликает он соседа.

– Что?

– Ты замечал – скажешь женщине какое-нибудь слово, и она отключается?

– Ты это о чем?

– О дифференциале.

Смитти поворачивается так, чтобы опустить ноги на пол и сесть, что ему почти удается.

– Или, допустим, слово «трансмиссия». Или «потенциал».

– Какая еще трансмиссия? – не понимает Смитти.

– Или вот еще слово: «частота». Я имею в виду, радиочастота... То есть я хочу сказать вот что: возьми любую, самую наилучшую женщину, разумную и все такое прочее. В бридж уделает любого, глазом не моргнув. Коктейль смешивает без всяких мерных стаканчиков и ни на каплю не ошибается. А когда варит яйца, то в голове у нее как будто таймер – заканчивает варить тютелька в тютельку, даже на часы не глянет. То есть все при ней – ум, интуиция, все, что нужно!

– Ну и отлично! Чего тебе еще-то?

– Отлично... А попробуй начать ей объяснять про что-то, где есть эти слова. То есть слова, от которых она отключается. Ну, допустим, купил ты машину с устройством, которое блокирует задние колеса так, что они поворачиваются одновременно, и ты можешь легко вырвать, если одно колесо попало на лед. Допустим, она читала про эту штуковину в рекламе или еще где, и спрашивает тебя, что, мол, и как. И ты говоришь: эта штуковина уменьшает отрицательное влияние дифференциала. И, как только ты произносишь это слово, она отключается. Ты пытаешься объяснить, что ничего сложного здесь нет, что тут применяют балансирную подвеску, чтобы внешнее колесо могло крутиться быстрее, чем внутреннее. Но, сколько бы ты ни говорил, из этого ступора ее тебе не вывести – пока не кончишь говорить. То же самое с частотой.

– Частотой?

– Ну да! Я тут на днях говорил о частоте, и Джанетт, как всегда, отключилась, и тогда я остановился и сказал: «Эй! А скажи-ка, что это такое – частота?» И знаешь, что она заявила?

– Что она заявила?

– Что частота – это деталь радиоприемника.

– Чего ты хочешь? Это же женщины!

– Ты не видишь, куда я веду, Смитти. «Это же женщины»! Тебе от этого так просто не отделаться.

– Да без проблем! Лучше об этом не думать. Так проще.

– Ничего не проще! – покачал головой Херб. – Это сводит меня с ума. Смотри! Слово «частота». Это же отличное английское слово. Оно означает, что нечто происходит часто.

Он чуть подумал и продолжил:

– Еще одно слово – «цикл». На нем тоже отключаются. Цикл означает возвращение в точку отсчета через определенный промежуток времени. Но когда ты говоришь женщине о частоте в восемь тысяч циклов в секунду, она отключается в два раза быстрее.

– Что ж, просто у них так устроены мозги. Технические проблемы им до лампочки.

– Да ну? А ты слышал, как они говорят про одежду, про всякие там ластовицы, вытачки, про двойные французские швы и косые разрезы? А ты видел, как они работают на этих долбаных швейных машинках со спаренными иглами, осциллирующей катушкой и ротационным челноком? А в офисе – на бухгалтерских машинах с двойной записью?

– И все-таки я не понимаю, что плохого в том, что им по барабану твой дифференциал.

– Ты просто не понимаешь, что бьешь в самую точку. Именно – по барабану. И до лампочки. Нет! Им под силу и более сложные вещи, но только они не хотят в них вникать. Как ты думаешь, почему?

– Ну, может быть, считают, что это не женское дело.

– Но какого черта какое-то дело может быть не женским? Они голосуют на выборах, они водят машины, они делают тысячу дел, которые делаем и мы.

– Да не бери ты в голову! – ухмыляется Смитти и, подхватив свой пустой стакан, встает и идет, чтобы взять стакан Херба, также опустевший.

– Все, что я знаю, так это то, что им так нравится. Ну и пусть! Ты знаешь, что Тилли вчера себе купила? Пару замшевых десертов – точь-в-точь как у меня. То есть, я хочу сказать,

если хотят, пусть отключаются. И, может быть, когда дети вырастут, они будут нас различать именно по этим признакам. Так что – да здравствуют различия!

Ледомцы привели Чарли из операционной в комнату, которая, как они уверяли, будет ему домом, и попрощались. При этом они кланялись столь церемонно, что, казалось, в простом «До свидания» появился второй смысл: «Да пребудет с тобой Господь Бог». Это был первый случай, когда Чарли столкнулся с местной концепцией бога и тем, как ее выражали аборигены, и все это произвело на него немалое впечатление.

Он лежал в одиночестве в довольно маленькой комнате, со вкусом убранной в голубые тона. Одну из стен полностью занимало окно, выходящее на парк и здание Первого научного центра, которое, казалось, с трудом балансировало на тоненьком стебле основания. Пол в комнате был, как и в других здешних помещениях, немного неровным, но упругим и, вероятно, непромокаемым – так его удобнее убирать, просто прогнав по нему потоки воды. В углу и еще в трех точках комнаты пол вздымался неким подобием широких шляпок грибов, или же камней с мягкими контурами, – это были сиденья. То, что стояло в углу, нажатием на панель, вделанную в стену, могло трансформироваться и по желанию сидящего становилось шире, уже, выше, а также выпячивало из своих недр подушки или валики – на тот случай, если сидящему вдруг захочется облокотиться или подложить что-нибудь мягкое и упругое под спину или колени.

Три вертикальные золотистые планки возле постели обеспечивали регулировку света: поместив руку между первой и второй, можно было усилить или ослабить освещение, между второй и третьей – поиграть цветом. Подобный же механизм располагался возле двери, точнее – стены, в которую была встроена раздвижная дверь; ее можно было открыть и закрыть, изобразив рукой соответствующий жест напротив специальной панели, расположенной на ее поверхности. Стена возле постели наклонялась внутрь комнаты, и во всем помещении не было ни одного прямого угла.

Чарли по достоинству оценил умную предусмотрительность своих хозяев, предоставивших ему полное уединение: ему нужно было прийти в себя, а терзавшие его сложные переживания, где чувства благодарности и одиночества перемешивались со злостью, страхом, любопытством и раздражением, представляли собой такой коктейль, что, конечно же, необходимо было время, чтобы дать ему успокоиться.

К тому, что с ним произошло, Чарли отнесся легко – к этому располагала темнота, царившая в комнате. Да, он расстался со своим миром, ну и бог с ним! Так или иначе, там ему все порядком надоело, и, если бы у него была возможность вырваться оттуда живым, он бы ей давно воспользовался.

Что и случилось.

Хотя, с другой стороны, интересно узнать, что там осталось. Не было ли у них большой войны? Кто теперь живет в Тадж-Махале – термиты или альфа-частицы? Получилось ли у того клоуна, не дай господь, выиграть президентские выборы?

– Мама! Ты уже умерла?

Папаша Чарли был так горд, что у него родился сын, что посадил в его честь секвойю. Выращивал из семечка. Представляете? Секвойя в Вестфилде, штат Нью-Джерси! Посадил именно тогда, когда вокруг возводились новостройки. Возводились, что называется, тяп-ляп, все на соплях – так, чтобы успеть прийти в негодность лет за десять до того, как истечет срок ипотеки. Чарли так это себе и представил – трехсотфутовое дерево, возвышающееся над развалинами их дома. Да и папаша – самым беспардонным образом откинул коньки, не получив страховки и оставив дела в таком беспорядке, что матери пришлось, распродав то, что у них оставалось движимого и недвижимого, убираться восвояси.

А когда Чарли стукнуло семнадцать, он, ведомый неизвестно чем, вернулся в эти места – это было нечто вроде паломничества. И хотя Чарли не помнил отца, но, найдя дом, который

тот когда-то строил и который теперь превратился в трущобу, он подошел к отцовской секвойе, почему-то тронул ее кору обеими ладонями и сказал: «Все отлично, пап!» Ведь мама, пока был жив отец, не знала ни забот, ни хлопот, и, если бы он не умер так внезапно, жизненные беды по-прежнему обходили бы ее стороной. И она свято верила, что после своей смерти муж был прекрасно осведомлен о вставших на ее пути трудностях, о тех унижениях и бедах, которые на нее свалились, и что теперь она чувствует себя как самая обычная женщина, из которой ее мужчина день за днем вышибает любовь и способность терпеть. А потому, по каким-то не до конца ясным для себя причинам, Чарли и решился сказать дереву то, что сказал, как будто его отец после смерти превратился в некое подобие долбаной дриады и поселился в этом дереве. Воспоминание было не из самых вдохновляющих, но Чарли помнил... Помнил.

Наверное, сейчас это дерево стало огромным. А может быть, и умерло, если прошло слишком много времени. Если Рыжая из Техаса превратилась в пожилую старую мадам с бородавкой на носу и живет где-нибудь в пропахшем нефтью портовом городе, то секвойя наверняка вымахала футов на двести пятьдесят, если не больше. А если Руфь (а что, интересно, произошло с Руфь, черт побери?) уже умерла, то дерево это могло стать самым большим объектом во всем штате Нью-Джерси.

Ну что ж, теперь он по крайней мере знал, что ему нужно выяснить в первую очередь. А именно, как далеко его занесло в будущее. Хотя, большой разницы нет. А что, если прошло всего лет двадцать, и мир, став пусть и чуточку более враждебным, все-таки сохранил свои основные черты – как мир, в который попал Рип ван Винкль? Да ничего! Да если и сотня прошла, а то и тысяча – какая разница? И все-таки неплохо узнать, куда его забросило.

И вторая вещь имела отношение к нему самому, Чарли Джонсу. Насколько он понял, здесь нет никого, кто хоть как-то был бы похож на него, Чарли. Здесь только эти... ледомцы. Но кто они такие?

Когда-то давно он вычитал в одной ученой книжке по антропологии – кажется, у Руфь Бенедикт, – что такие вещи, как язык, религия и социальные навыки не передаются с генами. То есть вы можете взять младенца любой расы, любого цвета кожи, из какой угодно страны, поместить его в любое окружение, и он вырастет абсолютно похожим на людей той местности, где оказался. А потом Чарли попалась статья, где та же самая идея разворачивалась на материале всей человеческой истории. Автор предполагает: возьмите египтянина эпохи фараона Хеопса, поместите его в современную Норвегию – он и вырастет норвежцем, способным выучить азбуку Морзе, да еще и с предрассудками относительно шведов. И все это вело к следующему: самые аккуратные исследования, проводившиеся наиболее ответственными и непредвзятыми учеными, не смогли обнаружить в истории современного человека никаких следов эволюционного развития. Нет, дело не в том, что человек вышел из пещер и построил весьма сложную цивилизацию – на это потребовалось всего тридцать тысяч лет, сушие пустяки! Если взять небольшую группу современных детей, обучить их базовым приемам добычи пропитания и отправить куда-нибудь подальше, в дикие места, через те же тридцать тысяч лет они заново отгрохают такую же цивилизацию, как наша.

Но ледомцы явно отличались от *homo sapiens*, причем не только и не столько в социальном и культурном отношении (как, например, отличаются друг от друга австралийский абориген и топ-менеджер крупной американской корпорации), сколько в физическом. А это говорило о произошедшем эволюционном сдвиге, не менее значительном, чем тот, что привел к возникновению человека разумного. Ледомцы, с одной стороны, сохранили в себе черты этого существа, но, с другой, серьезно от него отличались. Иными словами, ледомцы вышли из человечества. Но как далеко они ушли? Куда привели их произошедшие мутации?

Чарли не знал этого, но мог выяснить. Подойдя к окну, но держась от него на почтительном расстоянии, он принялся рассматривать простирающийся внизу парк, по которому передвигались яркие пятнышки – ледомцы в своих живописных одеяниях. Все они были взрослыми

особями или по крайней мере казались таковыми. Если предположить, что поколения сменяют друг друга каждые тридцать лет, и, если эти существа не мечут икру, подобно лососю, и не высиживают яйца, то времени, чтобы им эволюционировать в то, чем они стали, потребовалось немало. А кстати, об их технологиях! Сколько веков им потребовалось, чтобы научиться строить таких монстров, как Первый научный центр?

Этот вопрос был гораздо сложнее первого. Чарли вспомнил, как в каком-то журнале столкнулся с перечислением десяти предметов, входящих в самый обычный список покупок, который перед выходом в супермаркет составляет любая хозяйка. Там были алюминиевая фольга, чистящее средство для посуды, молоко в бумажных пакетах, еще какая-то ерунда. И оказалось, что всех этих вещей двадцать лет назад еще и не существовало. Уж если в середине двадцатого века существовали такие технологии, что на протяжении нескольких десятков лет вы могли наблюдать, как вакуумную лампу сменяет транзистор, а потом полупроводниковый диод, как из предмета для анекдотов становится реальностью полет спутника, нагруженного тонной самой точной аппаратуры, в пространство по ту сторону Солнца, то что говорить о технологиях Ледома? Чарли подозревал, что для окружающих он может быть так же смешон, как для него была смешна та тетка на эскалаторе в аэропорту Сан-Хуан, хотя этот эскалатор и был сконструирован уже в ее время.

Поэтому, сказал сам себе Чарли, возьми себе за правило – ничему не удивляться. В его времена большинство людей считали, что технический прогресс – это не геометрическая кривая, подобная крутому лыжному трамплину, а плавная прямая линия. Думавших так нерешительных слабаков постоянно мучили приступы запоздалого консерватизма, и они, как за спасительную соломинку, хватались то за одну мелочь, безвозвратно уходящую в прошлое, то за другую, стараясь удержать их и каким-то образом вернуть. Конечно, это был никакой не консерватизм, а обычная тоска по старым добрым временам, когда человек с легкостью предсказывал, что случится если не на следующей неделе, то уж наверняка на следующий день. Неспособные уловить целостную картину, они фиксировали свое внимание на ее миниатюрных деталях, и бывали очень удивлены и обозлены, когда картина менялась, а вместе с ней меняли свое место и значение все мелочи, к которым они так привыкли. Нет, он, Чарли Джонс, никогда не считал себя особым интеллектуалом, но каким-то образом он понимал, что прогресс – вещь динамическая, и, если ты хочешь бежать с этим миром ноздря в ноздрию, то должен, как это делает пловец на доске для серфинга, слегка податься вперед, а то свалишься и утонешь.

Чарли вновь посмотрел на Первый научный. Невероятная для обычного глаза конфигурация этого дома являлась отличной иллюстрацией того, о чем Чарли думал. Тебе нужно научиться плавать на этой странной доске – *прогрессе*, сказал он себе, и эта мысль привела его к формулированию второго вопроса.

Не стоит тратить времени на выяснение того, как им удалось это сделать – как его, двадцатисемилетнего бугая, вытащили сюда с потертых ступенек лестницы между вторым и третьим этажами дома номер шестьдесят один, стоящего на Тридцать четвертой Северной улице. Это – дело техники, а он вряд ли сможет понять ее суть. Научиться пользоваться – еще куда ни шло, но понять на основе своих знаний и опыта – вряд ли. А вот что действительно важно узнать, так это – почему они его вытащили.

Из этого большого вопроса вытекали два поменьше. Конечно, он мог ошибаться, но его похищение наверняка было весьма и весьма серьезным проектом, реализованным местными учеными. А что? Просто так возиться со временем и пространством никто не станет, не так это легко! Но нужно было понять следующее: зачем они пошли на это. Какая Ледому от всего этого выгода – при всех затратах? Вряд ли это было лишь испытание оборудования – доску, купил новую удочку, решил посмотреть, какова она в деле. А может быть, им просто нужен был образец представителя человеческой расы именно из того времени, в котором жил Чарли; они забросили эту свою удочку, и попался именно он? Или, допустим: им нужен был именно Чарли;

они изловчились, и – цап-царап. Хотя, если исходить из нормальной логики, этот вариант был наименее вероятным, но Чарли охотнее всего поверил бы в него. Таким образом, со вторым вопросом он решил. Но за вторым вопросом, как его естественное следствие, шел вопрос третий: а на кой черт им нужен *именно я*?

У Чарли Джонса были свои недостатки, но было и одно неоспоримое достоинство – оценивал себя он более чем здраво. Похитили его, конечно же, не из-за его красоты, силы или ума, и в этом смысле ледомцы могли бы найти более достойный материал буквально по соседству. Не было у него и особых талантов. По поводу себя Чарли говорил: я не считаюсь лодырем исключительно потому, что все время работаю. Хотя, может быть, именно поэтому я – законченный лодырь?

Чарли бросил школу в десятом классе, когда заболела мать. Думал, что бросил на время, а получилось – навсегда: то одно, то другое дело отвлекало его от продолжения обучения, и в школу он не вернулся. Таскался по домам, торгуя женским нижним бельем, холодильниками, пылесосами, энциклопедиями, работал оператором лифта, жарил гамбургеры в какой-то забегаловке, варил мягкую сталь на сталелитейном заводе, нанимался матросом, зазывалой, водителем бульдозера, учился на печатника, был репортером на радиостанции. А в перерывах работал грузчиком, торговал газетами, расклеивал наружную рекламу, красил автомобили, а однажды неплохо заработал, во время всемирной выставки размазывая по чистым тарелкам куриный желток, чтобы показать, как хорошо справляется посудомоечная машина. И всегда читал все, что попадалось ему в руки – иногда случайно, иногда по совету кого-нибудь, с кем просто зацепился языками; потому что не было для Чарли большего удовольствия, чем потрепаться с кем-нибудь и узнать чего-нибудь новенького. Эрудиция его была велика, но не без пробелов – факт, который иногда демонстрировала его речь: он порой использовал слова, которые *вычитал* в книжках и журналах, но которых никогда *не слышал*, отчего и ошибался в их произношении, чаще всего в ударении – как в словах «феномен» или «граффити». Как ни странно, но люди, с которыми беседовал Чарли, почти никогда его не поправляли, если он совершал такую ошибку.

Иными словами, он был тем, кем он был, и именно поэтому его и вытащили из его мира, поместив сюда.

Ну и что? Причины оставались неясными. Кем он был в прошлом и кем он мог бы быть в будущем, если бы само будущее не явилось и не прервало естественный ход его жизни?

– Лора! – вдруг воскликнул Чарли. Да, это был серьезный аргумент. Реальный! Но если так, то он, конечно же, найдет способ, чтобы разрушить этот мир – надуть его как воздушный шарик, а потом проткнуть в нем дырку и взорвать.

Потому что... Схема такая: если его притащили в будущее, то, возможно, для того, чтобы предотвратить нечто, что он мог совершить в прошлом. А если здесь замешана Лора? То есть, допустим, что они с Лорой поженятся, и у них будут дети... Не в эту ли цепочку событий хотят вмешаться ледомцы? Чарли читал немало фантастики и знал, что повлиять на будущее можно, если прервать или изменить цепь событий в прошлом.

– О господи! Лора! – почти застонал он. Не рыжеволосая и не блондинка... Сказать, что у нее волосы цвета абрикоса – не вполне точно. Глаза карие, но настолько светлые оттенком, что такого рода краску можно было бы использовать вместо золотой за неимением оной. Она защищалась честно и открыто, без напускной стыдливости и жеманства, а когда сдалась, то сделала это всем сердцем.

Задолго до этого, стоило Чарли понять, что девчонки – это не только хихикание, визги и вскрики, он захотел многих. И отдавались ему многие, а иногда и те, кого он хотел. Любил же он из них – единицы, а некоторых, как ему казалось, любил больше жизни и хотел больше, чем кого бы то ни было. Но от тех, кого он любил, Чарли держался подальше. Так было с Руфью, когда ему было четырнадцать. Почему? Он боялся... боялся все испортить. Иногда он пред-

ставлял себе: а вот соберутся несколько девчонок, человек пять, и начнут, собравшись в кружок, его обсуждать, пытаясь понять, почему он, будучи влюбленным в каждую из них, ничего не предпринимал. И никогда не поймут. Девчонки! Ответ простой. Хотите верьте, а хотите нет – он не хотел все испортить.

И только Лора, которую он и любил, и хотел, стала его Лорой.

Была его Лорой.

– Была? – воскликнул он. Но что означает это – «была»?

...она сдалась, и сделала это всем сердцем. Но это было отнюдь не поражение, потому что он тоже сдался. Они сдались вместе, одновременно. Тогда, в первый раз, а потом еще – на ступенях...

Вопрос номер два: почему я?

– Ты просто обязан представить достаточно веские причины, – пробормотал он, обращаясь к стоящему вдалеке Первому научному.

Второй же вопрос вел к третьему: а что будет со мной?

И одновременно: а смогу ли я вернуться?

Он тронул рукой планки, управляющие светом. Открылась дверь.

– Ну, как ты? Получше? – спросил появившийся в проеме Филос.

На экране заходится в диком крике компания бэк-вокалистов, их партия перемежается мощными ударами большого барабана «бух! бух! бум!!!». В центр изображения выдвигается физиономия солиста – гладкая, с сияющими полными губами, густыми изогнутыми бровями, бахромой ресниц вокруг невыразительных глаз и пышными бакенбардами, стекающими на могучую шею, торчащую из воротника черной кожаной куртки.

Бум! ...

Бум! ...

Бум! ...

Вдруг, вместо ожидаемого последнего «бум!» (телевизор в доме Смитти оснащен звуковой системой последней марки, которая способна транслировать самые пугающие тембры), вступает солист. Женский голос или же мужской – понять невозможно! Подчиняясь ритму большого барабана, он выкрикивает текст: «Ееее, прижмись ко мне... Ееее, поцелуй меня... Ееее, я люблю тебя...» Камера отходит назад и показывает солиста во весь рост и в движении – тот виляет задом, словно пытается ухватить ягодичками маленький набалдашник дверной ручки, прибитой к раскачивающемуся метроному. Восторженный рев и писк заставляет камеру скользнуть к первым рядам зала, забитым толпой девиц, терзаемых тугими судорогами желания. Языки вывалились наружу, корявые ручонки тянутся к сцене, на которой беснуется их кумир. Камера вновь бросается к солисту, который (так, вероятно, задумано режиссером передачи) едет на воображаемом велосипеде, у которого руль снует вперед и назад, а седло, вместе с седоком, то прыгает вверх, то резко опускается вниз, при этом бешено вращающиеся педали взлетают много выше самого велосипеда.

Смитти протягивает руку, хватается за блок управления и вырубает телевизор, издав глубокий вздох:

– О господи!

Херб, сидящий в своем кресле с закрытыми глазами, произносит:

– Грандиозно!

– Что именно?

– У этого типа есть кое-что для всех.

– Тебе это нравится?

Смитти делает ударение на последнем слове.

– Разве я сказал «нравится»? – спрашивает Херб, открыв глаза и посмотрев на соседа с напускной свирепостью в глазах. – И, пожалуйста, никому не говори, что я так сказал.

– Но ты же что-то сказал!

– Я сказал «грандиозно», если позволишь.

– Позволяю.

– И я сказал, что у этого типа есть кое-что для всех. Нечто соблазнительное.

– Писки.

Херб смеется.

– Слушай, хотя я всего лишь специалист по копирайтингу, – говорит он, – но мне все это понятно. Да, писки пискам рознь. Но те, кем движет скрытая или латентная гомосексуальность, видят в нем объект своей страсти. И молодые бычки, копирующие его прическу и наряд – тоже. А еще пожилые тетки. Больше всего заводятся, конечно, именно пожилые тетки. Они западают на его детское личико и цветочные глазки!

Он пожимает плечами и повторяет:

– Да, что-то здесь есть для всех.

– Ты забыл упомянуть своего старого приятеля Смитти, – говорит Смитти.

– Ну что ж, каждому из нас нужен не только объект любви, но и объект ненависти.

– Ты не шутишь, Херб?

– Нисколько.

– Когда ты такой, ты меня беспокоишь, приятель, – говорит Смитти.

– Какой такой?

– Слишком серьезный.

– Это плохо?

Смитти качает головой и говорит:

– Это к работе мужчина должен относиться серьезно. А вот все остальное – чувства, эмоции... Все это чушь.

– А если он будет серьезно относиться к чувствам, что тогда?

– Сгорит от неудовлетворенности, – отвечает Смитти, глядя на приятеля взглядом старой мудрой совы, и продолжает:

– Ну, представь. Человек работает в рекламе, относится к делу серьезно, изучает разные там товары и продукты, их свойства. Даже подписывается на специальные издания. Планирует достичь мирового успеха. Что-то там в связи с этим думает себе, переживает. А потом – раз, и все пролетает. Можно ли серьезно относиться к таким переживаниям?

– Опусть свой большой пистолет, Смитти, – говорит Херб. Он улыбается, но видно, что ему несколько не по себе – он бледен.

– В одном не повезло, повезет в другом, – говорит он. – Вот к чему нужно относиться серьезно.

– А все остальное – чушь?

– Все остальное – чушь.

Смитти показывает на телевизор.

– Мне это страшно не нравится. И никому не понравится.

Именно тогда до Херба доходит, кто спонсировал это рок-н-рольное телешоу. Конкурент. Главный конкурент Смитти. О господи! Мне бы вовремя заткнуться! Черт побери мой грязный язык! Жаль, со мной нет Джанетт! Она бы сразу все поняла.

И Херб произносит:

– Я же говорил, что мне не нравится это вшивое шоу.

– Если бы ты это сказал до того, как развел свою мелкую философию, Херби, я бы тебя понял, – отвечает Смитти.

Он берет пустой стакан Херба и отправляется наполнить его. Тот сидит и думает о трудной судьбе рекламщика. Первое правило для человека, работающего в этом бизнесе: потребитель всегда прав. Правило второе: найди способ соблазнить всех, независимо от пола и возраста – и мир будет лежать у твоих ног. Херб смотрит на потухший глаз телевизора и понимает – этот парень почти нашел то, что для этого нужно.

– Нет, плохо мне. *Настоящий* плохо, – сказал Чарли Джонс.

Он понимал, что, хотя и говорит по-ледомски, но делает это как иностранец – обороты родного, английского языка самым причудливым образом вторгаются в его речь.

– Понимаю, – сказал Филос.

Он прошел в комнату и остановился возле одной из торчащих из пола грибовидных конструкций. Филос поменял наряд, и теперь предстал перед Чарли в одеянии, основу которого составляли оранжево-белые крылышки, поднимавшиеся над плечами на каких-то невидимых опорах и свободно трепыхавшиеся за спиной; помимо крылышек на Филосе был только двусмысленно миниатюрный шелковый «спорран» и легкие сандалии, в тон крылышкам. Остальные части его крепко сбитого тела оставались неприкрытыми.

– Можно присесть? – спросил он.

– Конечно, конечно, – проговорил Чарли. – Ты просто не понимаешь...

Филос насмешливо приподнял брови. Брови были густыми и казались вытянутыми в одну прямую линию, но когда он двигал ими, оказывалось, что они могут выглядеть как пушистые кромки пологой двускатной крыши.

– Ты же дома, – продолжил Чарли.

Ему вдруг показалось, что Филос, чтобы успокоить гостя, собирается взять его за руку, и Чарли напрягся. Но тот не стал этого делать, ограничившись тем, что вложил максимум сочувствия в голос.

– Ты тоже скоро будешь дома, не беспокойся.

Чарли поднял голову и внимательно посмотрел на Филоса. Тот выразился вполне однозначно, и тем не менее...

– Ты имеешь в виду, меня отправят назад?

– Я не могу ответить на этот вопрос. Сиес...

– Я задаю вопрос тебе, а не ему. Могут меня послать домой?

– Когда Сиес...

– Я буду иметь дело с Сиесом, когда придет время. Ответь мне ты: меня пошлют назад или нет?

– Могут, но...

– Что значит «но», черт возьми?

– Ты можешь и не захотеть.

– Но почему?

– Прошу тебя, – заговорил Филос, и крылышки за его спиной затрепетали, – не сердись. Прошу! Я знаю, у тебя есть неотложные вопросы, на которые ты хочешь получить ответ. Что делает их неотложными, так это то, что в твоей голове уже есть готовые ответы, и ты их хочешь услышать. Пока ты не получишь эти ответы, ты будешь злиться все больше и больше. Но некоторые из этих ответов, которые ты заранее сложил, не имеют ничего общего с реальностью. А некоторые вопросы... лучше не задавать.

– Это кто же так решит?

– Ты сам! Когда ты узнаешь нас лучше, то согласишься со мной.

– Черта с два! Но давай, для начала, попробуем. Ты ответишь на мои вопросы?

– Конечно, если смогу.

И вновь Чарли ощутил, насколько отличается ледомский от английского. Сказав «если смогу», Филос одновременно дал понять – «если мне будет позволено». Хотя, может быть, он просто хотел сказать: «Если у меня будет достаточно информации»? Поразмышляв над этим пару мгновений, Чарли задал свой первый вопрос:

– Как далеко вперед вы ушли? – спросил он.

– Что ты имеешь в виду? – вопросом на вопрос ответил Филос.

– Именно это и имею. Вы забрали меня из прошлого. Из какого времени, конкретно?

Филос совершенно искренне развел руками.

– Ты не знаешь? Или никто не знает?

– Если исходить из того, что говорит Сиес...

– Стоп! Ты прав, – воскликнул Чарли почти с отчаянием в голосе. – Некоторые вопросы должны дождаться своего часа – пока я не увижусь с Сиесом.

– Ты опять злишься.

– Нет! Я все еще злюсь.

– Послушай, – сказал Филос, наклонившись вперед. – Мы – новые люди. Мы – ледомцы. Ты должен это понять. И ты должен понять, что мы не можем исчислять время так, как это делали вы. Ваши месяцы, годы и прочие единицы исчисления не имеют к нам никакого отношения. Для нас это – пустой звук. И тебе не стоит думать об этом – ведь твой мир прекратил свое существование, и остался только наш.

Чарли побледнел.

– Ты сказал, что он прекратил существование?

Филос с печалью на лице пожал плечами:

– Мне кажется, ты догадывался...

– О чем я догадывался? – выпалил Чарли и вдруг, почти жалобно, проговорил:

– Но как? А я думал, что, может быть... кто-нибудь, совсем старый...

Удар, полученный Чарли, распался на множество ударов – лица Рут, Лоры, мамы замелькали перед его взором, медленно, одно за другим, погружаясь в темноту.

– Сиес же сказал тебе, что ты сможешь вернуться и вновь стать тем, кем ты был рожден, – проговорил Филос.

Некоторое время Чарли молча сидел, после чего обвел взглядом открывающиеся ему из окна виды Ледома.

– Правда?

В его голосе сквозили интонации ребенка, которому обещали невозможное.

– Но ты отправишься домой, – Филос покачал головой, – зная то, что ты узнаешь от нас.

– Ну и черт с ним! – воскликнул Чарли. – Главное – домой!

Но вдруг ужас, глубокий и ранее неведомый, охватил его, ворвался в его дыхание, биение его сердца. Знать о том, что наступит конец, знать, как и когда это произойдет! Быть единственным из всех, кто знает, что их мир погибнет – окончательно и бесповоротно! Лежать рядом с теплым телом Лоры и – знать это! Покупать в киоске любимую мамину газету, каждому слову которой она безоговорочно верит – и знать это! Проходить мимо церкви, видеть как новоиспеченная невеста в белых шелках счастливо улыбается, прижимаясь к своему избраннику под восторженный рев автомобильных рожков, и знать это!

И ледомцы собираются сообщить ему, когда и как рухнул его мир?

– Вот что я скажу, – проговорил Чарли хрипло. – Вы просто отправите меня назад, ни слова не сказав о том, когда и что произойдет с моим миром, хорошо?

– Торгуешься? – усмехнулся Филос. – Тогда тебе придется кое-что сделать и для нас.

– Чем же я могу торговаться? – спросил Чарли и сделал вид, что ищет на своем больничном халате карманы, чтобы вывернуть и показать, что они пусты. – Я ничего не могу предложить.

– Можешь, – покачал головой Филос. – Обещание. Ты дашь нам обещание и исполнишь его. И тогда получишь то, что хочешь.

– А это обещание выполнимо? – с сомнением спросил Чарли.

– Вполне! И вот в чем его суть: пообещай нам, что останешься нашим гостем, узнаешь нас поближе – нашу историю, обычаи, религию, а также постигнешь смысл нашего существования.

– Но это может занять целую вечность!

Филос покачал головой, в его темных глазах сверкнула искра смеха.

– Да не так уж и долго, – сказал он. – А когда ты узнаешь нас по-настоящему, мы тебе сообщим, и ты сможешь нас покинуть, если захочешь.

– Если захочу? – рассмеялся Чарли.

– Именно! – отозвался Филос торжественно.

Старательно подражая торжественности тона своего собеседника, Чарли Джонс провозгласил:

– Давай-ка об этом поподробнее. Меня беспокоит это «не так уж и долго». А вдруг вы скажете, что я узнал вас не слишком хорошо потому, что не сосчитал все молекулы, из которых состоит Ледом?

Впервые Чарли отметил – ледомцы могут и злиться. Но Филос сдержал себя и произнес:

– Ничего подобного мы не скажем. Я и мысли об этом не допускаю.

На этот раз злиться начал Чарли.

– Ты хочешь, чтобы я поверил вам. А мне нужны гарантии.

– Когда ты узнаешь нас получше...

– То есть обещать я должен сейчас, а узнаю я вас уже потом?

Неожиданно для Чарли Филос вздохнул и улыбнулся.

– Я тебя понимаю, – сказал он. – Ладно, не будем торговаться. Но запомни – я предложил тебе наши условия, и Ледом будет их свято соблюдать. И если, изучая нашу культуру, ты увидишь, что мы ничего не скрываем и показываем тебе все, что у нас есть, мы вернемся к этому разговору. Ты дашь нам это обещание, и на этом основании мы раскроем перед тобой всю суть нашей жизни. Когда же ты все поймешь и узнаешь нас досконально, мы исполним твое желание, и ты сможешь вернуться.

– На таких условиях трудно спорить, – покачал головой Чарли. – А если я все-таки не дам своего обещания?

Филос пожал плечами.

– И в этом случае, вероятнее всего, ты сможешь вернуться. Главное для нас – это то, чтобы ты узнал нашу культуру, постиг ее и в общем, и в мельчайших деталях.

Чарли долго смотрел в темные глаза Филоса, но не увидел там ничего, что разрешило бы его сомнения.

– А у меня будет возможность ходить там и тут, задавать любые вопросы? – спросил он. Филос кивнул.

– И получать ответы?

– Любые ответы, которые мы сможем (нам будет разрешено) дать.

– И, чем больше вопросов я задам, чем большее количество мест смогу посетить, чем больше увижу, тем скорее смогу вернуться?

– Именно!

– Черт бы меня побрал, – сказал Чарли Джонс Чарли Джонсу. Он встал, прошелся по комнате и вновь сел. Филос все это время внимательно наблюдал за ним.

– Слушай, – сказал Чарли. – Перед тем как ты пришел, я все серьезно обдумал. И у меня возникло три больших вопроса. Причем, когда я их обдумывал, я еще не знал того, что знаю сейчас, – а именно, что вы сможете мне помочь.

– Задавай, и я сделаю все, что в моих силах.

– Понимаю, – кивнул Чарли.

И, подумав, продолжил:

– С первым вопросом я разобрался. Мне было важно понять, насколько далеко в будущее я попал.

Произнеся это, он поднял ладонь, предостерегая Филоса.

– Не отвечай! Даже если не ты, а только Сиес может ответить на этот вопрос, я не хочу знать ответ.

– Почему? – спросил Филос.

– Попробую объяснить. Во-первых, здесь неизбежен намек на тот момент, когда погиб мой мир, а я не хочу об этом знать. Во-вторых, если я все-таки вернусь домой, эта информация не будет иметь для меня никакого значения. Ведь вы говорите, что я вернусь именно туда, откуда меня забрали, верно?

– Более-менее так.

– Отлично. Но тогда совершенно не важно, прошел ли один год или десять тысяч лет. И у меня не будет повода думать: вот, дескать, все мои друзья и близкие уже давно в могиле... Когда я вернусь, я встречу с ними, верно?

– Да, – кивнул Филос. – Ты встретишь всех своих друзей и близких.

– Отлично, – сказал Чарли. – С первым вопросом покончили. С третьим тоже. Теперь я знаю, что будет со мной здесь.

– Я рад, что тебе все ясно.

– Отлично. Но остался второй вопрос: почему именно я?

– Не понял, – проговорил Филос.

– Почему вы выбрали именно меня? Разве нельзя было найти кого-нибудь еще? Что именно вам показалось во мне важным? Какие качества? Или, может, вы похитили меня, чтобы я чего-то там не натворил в прошлом? Или просто тестировали свое оборудование, и я попался случайно?

Филос отстранился, и было видно, что он не столько удивлен, сколько раздосадован этим потоком вопросов, и ему не слишком приятно их слышать.

– Я попробую ответить на твои вопросы, – сказал, помолчав минуту, словно давал улежаться неприятному эхо от слов Чарли, которые все еще звучали в его душе.

– Во-первых, – продолжил он, – мы могли забрать только одного. Во-вторых, нам действительно нужен был именно ты, потому что у тебя есть одно особое качество, отсутствующее у других твоих современников. Что касается последнего обстоятельства, о котором ты спрашиваешь, то я не вижу здесь особых проблем. Смотри (это «смотри» значило гораздо больше, чем казалось на первый взгляд, и включало в себя призыв поразмыслить, оценить себя и других): если учесть, что ты в любом случае вернешься примерно туда, откуда тебя забрали, то как твое перемещение в наше время сможет оказать воздействие на твои последующие действия? Пройдет слишком мало времени.

Покраснев от напряжения, Чарли размышлял.

– Возможно, что ты и прав, – наконец сказал он. – Но я ведь буду уже не тот, верно?

– Оттого, что познакомишься с нашей культурой и нашим образом жизни? – спросил, рассмеявшись, Филос. – И ты действительно веришь, что это тебя сильно изменит?

Помимо собственной воли Чарли улыбнулся – слишком уж заразительно смеялся его собеседник.

– Ладно, согласен, – примирительно сказал он и спросил:

– Тогда не сообщишь ли мне, каким это особым качеством я располагаю? Что заставило вас похитить именно меня?

Хотя Чарли говорил по-ледомски, его родная манера говорить прорывалась через местный язык.

– Сообщу, – ответил Филос, явно, хотя и дружелюбно, имитируя манеру Чарли. – Это – *объективность*.

– Я в полной растерянности, я раздавлен, расплющен, а еще, заодно, и ошарашен. Что за чертовщина? Какая такая «объективность»?

Филос улыбнулся.

– Не нервничай, – сказал он. – Это просто нейтральная характеристика личности. А теперь послушай. У тебя было когда-нибудь такое, чтобы кто-то посторонний, и не обязательно специалист, говорил о тебе нечто, чего ты сам о себе не знал?

– Думаю, такое бывает у всех, – отозвался Чарли.

И вспомнил давнишний эпизод, когда некая девица, одно из его мимолетных увлечений, отделенная от него тоненькой перегородкой в ванной, рассказывала кому-то о нем:

– Он всем и каждому заявляет, что никогда не ходил в колледж, хотя может за пояс заткнуть любого выпускника по части знания всякой всячины.

Не то чтобы Чарли был слишком озадачен услышанным, но потом он уже никогда не заикался о том, что не имел удовольствия получить высшее образование, потому что понял, как глупо хвастать этим обстоятельством.

– Так вот, – продолжил Филос. – Мы – новая раса, и мы задались целью понять свою сущность. Для этого у нас есть всевозможные инструменты, которые я даже не в состоянии тебе описать. Но единственной вещью мы, как новый вид, не располагаем – объективностью.

– Все это отлично, – покачал головой Чарли, – но я ведь не специалист, не эксперт в делах рас, народов и культур.

– Ничего страшного, – сказал Филос. – Ты – *другой*, и именно это делает тебя объективным экспертом.

– А если мне не понравится то, что я увижу?

– Видишь ли, – ответил Филос, – это не имеет никакого значения. Нравится или не нравится – всего лишь обычные факты в ряду прочих фактов. Нам интересно увидеть то, что увидишь ты, после того, как подвергнешь свой опыт мыслительной обработке.

– И что тогда?

– Мы узнаем себя лучше.

Криво усмехнувшись, Чарли сказал:

– Но вы узнаете только то, что я думаю, а не то, что есть.

– Уж мы как-нибудь разберемся, – с такой же усмешкой отозвался Филос.

И они оба рассмеялись.

А потом Чарли Джонс сказал:

– Ладно, уговорил.

Он широко зевнул, извинился и спросил:

– Когда начнем? С утра пораньше?

– Я думал...

– Послушай, дружище! – взмолился Чарли. – Денек выдался непростой, и я едва стою на ногах.

– Ты устал? Ну что ж, я могу подождать, пока ты отдохнешь.

И Филос поудобнее устроился в грибовидном кресле.

Чарли недоуменно посмотрел на него и сказал:

– Я хотел сказать, что мне нужно поспать.

Филос вскочил и хлопнул себя по лбу.

– Спать! – воскликнул он. – Прости, пожалуйста, я совершенно забыл. Конечно... Но как вы это делаете?

– То есть?

– Дело в том, что мы не спим.

– Ничего себе!

– А как вы спите? Птицы, например, кладут голову под крыло. А вы?

– Да мы просто ложимся и закрываем глаза. Только и всего.

– Понятно. Ну что ж, я подожду, – кивнул Филос. – Сколько мне ждать?

Чарли искоса посмотрел на своего собеседника. Может, тот над ним шутит?

– Ну, – протянул он, – обычно мы спим часов по семь-восемь.

– Восемь часов!

И тотчас же, словно устыдившись собственной неосведомленности, а может, и любопытства, Филос двинулся к двери.

– Лучше я уйду и оставлю тебя одного. Хорошо?

– Отлично.

– А если ты захочешь есть? – спросил Филос.

– Все в порядке! – отозвался Чарли. – Мне все объяснили, когда показывали, как включать и выключать свет.

– Тогда я спокоен. Да, а здесь, в шкафу, для тебя одежда.

Филос легко тронул небольшой спиралевидный знак на стене, противоположной от кровати, и тут же открылась раздвижная дверь. Шкаф стоял открытым лишь мгновение, но за дверью Чарли увидел сверкающие ткани, отливавшие всеми цветами радуги.

– Выбери то, что тебе придется по вкусу, – сказал Филос.

И, помолчав, добавил:

– Ты, наверное, найдешь их излишне... излишне закрытыми, но мы постарались сделать так, чтобы тебе было удобно. Видишь ли... никто из наших людей никогда не видел мужчину.

– Так вы что, все женщины?

– Да, в общем-то, нет! – ответил Филос. И, помахав Чарли рукой, исчез.

Ясно, Смитти пользуется средствами от «Старого пирата».

Херб стоит в ванной комнате на первом этаже и изучает содержимое туалетных шкафчиков. Один шкафчик висит над унитазом, а другой – над полочкой для зубных щеток и пасты, рядом с раковиной. Во всех этих домах – по два шкафчика. Так в рекламных проспектах и обозначено: шкафчик для «Нее» и шкафчик для «Него». Джанетт шкафчики в их доме называет «Его» и «Наш», и, вероятнее всего, Тилли Смит распространяет свое влияние и на шкафчик Смитти, потому что половина полок в нем завалена явно женским бардаком. Оставшееся место отведено пенам до и лосьонам после бритья. Херб сочувствует Смитти – на рынке есть средства по уходу за лицом и получше, чем то, что предлагает «Старый пират». Например – «Гладкие щеки». Херб так ценит это средство потому, что имел прямое отношение к созданию этого слогана. Выглядел он так: картинка латиноамериканского волка (выбор животного – ответственная задача: ошибешься – обязательно кого-нибудь обидишь), который трется челюстями о шкуру самки с набухшими сосцами; а поверху – слова: «Желаешь иметь гладкие щеки»?

Так, что тут еще? «Пайлекс», почти в полный голос произносит Херб. Транквилизаторы, само собой, буферизированный аспирин и бутылка чудовищного цвета желто-голубых капсул. Наверняка, «акромицин». Стараясь не касаться ничего вокруг, Херб наклоняется над бутылкой. Судя по дате, куплено три месяца назад. Херб мысленно восстанавливает цепь событий. Именно тогда Смитти на время бросил пить.

Аденома простаты?

Бесцветная губная помада. Бесцветный лак для ногтей. А это что? Маскирующий карандаш. Какой еще, к черту, маскирующий карандаш? Коричневый, номер двести три. Херб наклоняется еще ниже. Маленькими буквами написано, что карандаш используется после нанесения тонального крема. Да, время никого не жалеет, Смитти! А лучше так: время не жалеет Смитти!

Чарли вспомнил (вспомнил! вспомнил!) считалочку, которую слышал в детском саду от старших детей. Девочки старшей группы прыгали через веревочку и считали:

Король – направо, барон – налево!
В своем дворце сидит королева,
Она родила малыша!
Сверкают наряды!
Придворные рады,
Несут малыша-крепыша!

Молча повторяя строку за строкой, Чарли заснул. Ему приснилась Лора... Они познакомились совсем недавно, а оказалось, что знают друг друга целую вечность; у них уже появился свой любовный язык, понятный только им двоим и больше никому. Эта мужская штучка, Чарли, говорит Лора. А он вторит ей: эта женская штучка, и смеется над ее повизгиванием, когда майский жук залетает ей в пышную прическу абрикосового цвета, и она покатывается со смеху, не в силах остановиться.

Возвращаясь из глубин сонного забытья, Чарли вторгся в странную зону, где ясно и холодно осознал, что Лора отдалена от него немислимыми просторами пространства и времени, но здесь же он одновременно, почти воочию увидел свою мать, сидящую в ногах кровати. Правда, по мере того как он проходил через эту зону, он все яснее понимал, что находится в Ледоме и что пробуждение не будет для него шоком. И вместе с тем, присутствие матери ощущалось все явственнее, и, когда он, наконец, открыл глаза (он не увидел ее), она (она сама, а не ее образ) исчезла с явственно слышимым хлопком. Раздосадованный и опечаленный, он некоторое время оплакивал свою мать...

Но потом он встал с кровати и подошел (впрочем, не слишком близко) к окну. Погода ничуть не изменилась, и, похоже, он проспал целые сутки, поскольку небо, пусть и затянутое облаками, было таким же светлым, как и вчера, когда его привели из Первого научного.

Чарли готов был корову съесть, а потому, вспомнив данные ему инструкции, подошел к кровати, на которой спал, и потянул за одну из золотистых планок, после чего часть стены неправильной формы (здесь не было предметов квадратных, прямоугольных, полностью вертикальных или горизонтальных) отошла в сторону, и из ее глубины, словно язык из открытого рта, выдвинулась плоская поверхность стола на роликах. На нем стояло большое блюдо и тарелка. В тарелке была каша, а на блюде – горка фруктов, окрашенных столь экзотически и разложенных так изысканно, что они могли бы усладить взор самого тонкого ценителя прекрасных форм. Там было по паре обычных бананов и апельсинов, и какие-то гроздья, напоминавшие виноград. Прочие же фрукты были Чарли совершенно незнакомы: голубые, пятнистые, ярко-алые и зеленые – казалось, распухшие от сочной мякоти, рвущейся наружу.

Но больше всего Чарли хотелось не есть, а пить. Он полжизни отдал бы за что-нибудь холодненькое и свежее, но никаких стаканов или кружек там не оказалось. Чарли вздохнул, взял со стола шарообразный фрукт, расцвеченный как самая роскошная орхидея, и понюхал. Похоже на запах свежего тоста, сдобренного маслом. Чарли аккуратно погрузил в шар зубы и тут же воскликнул от удивления, после чего стал искать вокруг, чем бы вытереть лицо и шею. Хотя кожура фрукта была комнатной температуры, внутри содержался сок холодный, как лед, да еще и под приличным давлением. Отерев лицо полкой своего белого халата, Чарли приложился к фрукту во второй раз и теперь уже в полной мере наслаждался холодным соком – без мякоти, вкуса свежего яблока с примесью корицы.

Затем он посмотрел на тарелку с кашей. Он никогда не любил вареные крупы, но запах, поднимающийся от тарелки, приятно щекотал ноздри, хотя определить его Чарли не смог. Рядом с тарелкой лежал некий инструмент, очевидно, столовый. Он напоминал одновременно

и ложку, и миниатюрную теннисную ракетку, потому что состоял из ручки и синей проволочной петли, но – без обычных для ракетки струн.

Озадаченный, Чарли взял этот прибор за ручку и погрузил в кашу. К его удивлению, еда словно сама потянулась к петле, закрепилась на ней и сформировала порцию с небольшой горкой – так, словно в руках Чарли была ложка. Приподняв прибор, Чарли заглянул снизу – там тоже была горка, но ни одна капля каши не упала назад, в тарелку.

Чарли аккуратно отправил кашу в рот и нашел ее столь вкусной, что его нисколько не смутила похожая на резину текстура, появившаяся в пространстве внутри проволочной петли. Он посмотрел на нее и, решившись на эксперимент, просунул сквозь петлю палец, ощутив при этом легкое сопротивление. Но, как бы там ни было, весь его организм от слюнных желез до мышечных тканей, окружавших желудок, возрадовался этой сочной и сладкой пище, консистенцией напоминавшей кашу. Вкус и запах были несколько непривычными, но, когда проволочная петля столового прибора заскребла по доньшку тарелки, Чарли посетовал про себя, что все так быстро кончилось, и пожелал – когда-нибудь – вновь насладиться такой едой.

Удовлетворенный – по крайней мере физически, – Чарли вздохнул и встал с кровати, в то время как стол, унося с собой свой груз, исчез внутри стены, которая тотчас же приняла свой обычный вид.

– Вот это сервис! – прошептал Чарли, одобрительно кивнув головой.

Он пересек комнату, подошел к шкафу, который показал ему Филос и тронул ладонью рисунок на стене. Дверь открылась. Внутренность шкафа освещалась все тем же неярким серебристым светом. Опасливо глянув на края открытого дверного проема (вдруг возьмет да и защемит!), Чарли внимательно осмотрел висящую там одежду, надеясь встретить что-нибудь, напоминающее его собственные коричневые американские штаны.

Ничего подобного там не оказалось.

Вместо этого Чарли увидел целый ряд конструкций (иного слова ему было и не найти) из тканей плотных и легких как пух, накрахмаленных и прозрачных, причем всех возможных цветов и цветовых сочетаний. Здесь были наряды красные, голубые, зеленые, желтые, а также такие, которые несли в себе все цвета одновременно, да еще и отражали те оттенки, что находились поблизости. Были и такие, что, будучи наброшены сверху, приглушали цвета одеяний, которые оказывались внизу. Из этого богатства цветовой гаммы были сконструированы какие-то широкие полосы, трубы, складки, фестоны и рюши, а также драпировки с искусными заломами и швами, отделанные гребешками и бахромой, вышитые, подрубленные и несущие на себе аппликации самых невероятных расцветок и форм. Но, как только глаза и руки Чарли привыкли к поразительной пестроте, он отметил в устройстве шкафа определенную систему, которая позволила ему разглядеть конкретные наряды.

Некоторые отличались крайней простотой и были похожи на обычные ночные рубашки, хотя выпастись в такой рубашке было невозможно без риска оцарапаться о вделанные в ткань острые сетчатые украшения. Были там одеяния в форме широких панталон, или узких, обтягивающих трико; среди прочего висело подчеркивающее красоту фигуры нижнее белье, трусики «танга» и нижние юбки, короткие и длинные килты – все исключительно пестрое и разнообразное, гладкое и с рюшами, свободное и в обтяжку. Но что из себя представляли эти сверкающие ленты шириной в два дюйма и длиной в восемь футов, которые были уложены большими латинскими буквами U и закреплены за «макушку» буквы? А этот совершенной формы шар из неизвестного Чарли черного материала? Его что, нужно носить на голове?

Чарли возложил шар на голову и попробовал удержать его в этом положении. Получилось. Он наклонил голову, чтобы шар скатился. Не тут-то было! Чарли потянул за шар, чтобы стащить его с головы, но тот прочно держался – даже не за волосы, а за сам череп.

Чарли бросился было к золотистым планкам, чтобы позвать Филоса, но передумал. Нет, он оденется без посторонней помощи! Кем бы ни были эти странные люди, ему не нужны помощники, чтобы нарядиться. От этого он отказался много лет назад.

Он вернулся к шкафу. Вскоре он понял, как тот работает. Вешалок там не было, но, если взять некий наряд и, расправив, прислонить к правой внутренней стенке шкафа, он так и останется висеть. А можно отправить одеяние в глубь шкафа, и оно, словно по невидимой проволоке, поплывет туда, где вы определили ему место. А если достать платье из шкафа, оно просто повиснет у вас на руках как обычная одежда.

Среди прочего Чарли обнаружил в шкафу кусок материала, формой напоминающий плоские песочные часы. Материал был цвета морской волны, сравнительно неброский, и на одном конце этой конструкции крепилась алая лента. Ну что ж, подумал Чарли, из этой штуки можно сконструировать себе вполне приличные шорты. Он стянул свой белый халат, что оказалось достаточно просто, так как он застегивался со спины, и не нужно было тащить через узкое горло черный шар, который по-прежнему крепко сидел у Чарли на голове. Прижав к низу живота ту сторону материала, где не было ленты, Чарли протянул его между ног назад, и, ухватившись за ленту, собирался уже перевязать ею и закрепить спереди на поясе получившуюся конструкцию, но не успел он сделать этого, как края материала сошлись и соединились безо всяких швов. Он потянул за ленту, она вытянулась, после чего стала сжиматься – пока не обернулась плотно вокруг талии и не закрепилась. Удивленный, Чарли потянул за передний конец материала – так, чтобы добиться максимального удобства между ног и на спине, после чего отпустил материал, и тот повис спереди изящным передником. Чарли осмотрел себя – насколько это было возможно – и остался доволен. Новый наряд был словно сшит для него, и хотя его ноги были голыми от лодыжек до талии, а бедра прикрывала лишь алая лента, то, что было нужно спрятать, он спрятал – как того и хотел Филос.

Больше ему и не понадобится – как он успел понять во время своей краткосрочной экскурсии по Ледому, климат здесь тропический, и в одеждах особой нужды нет. С другой стороны, почти все местные жители носят сверху, на плечах или на груди, какой-то пустячок – яркую повязку, какие-нибудь полоски на плечах. Зачем тогда нужны все эти пышные наряды, висающие в шкафу? Размышляя об этом, Чарли заметил в глубине одеяние того же цвета, как те импровизированные шорты, что он себе смастерил. Он вытащил его наружу. Похоже было на халат, пальто или скорее плащ – на вид массивный, но, по сути, легкий как перышко. Самое интересное было то, что это одеяние не просто подошло ему – на нем был красный узор совершенно в тон тому поясу-ленте, которым он перепоясал шорты.

Как же его надеть? Сообразить было непросто, но потом Чарли вспомнил, как носил нечто подобное Сиес. Он закреплял свой наряд не на плечах, а на груди, пропуская под мышками.

Венчал этот плащ такой же, как у Сиеса, высокий воротник. Сходились обшлага плаща на уровне грудины, но никаких застежек не предполагалось, и вся конструкция мягко крепилась прямо к грудным мышцам. Талия была настолько на месте, что казалось, будто Чарли не раз приходил на примерку, прежде чем портной завершил свою работу. Юбка отличалась от той, что носил Сиес – была короче на несколько дюймов и заканчивалась сзади раздвоенным хвостом.

В самом низу шкафа, на специальной полке, стояла обувь, ее необходимый минимум: высокие подошвы, которые каким-то непонятным образом прикреплялись к пятке и пальцам ноги, двойные конструкции, состоящие из носка и пятки, ничем не соединенных, сандалии с ремешками и пряжками, а также с завязками и фиксирующими лентами, но без застежек. Были здесь мягкие сапожки всех видов, с носками уныло плоскими и носками, задорно торчащими вверх, турецкие туфли, туфли на платформах, хуарачи, и множество иной обуви самого разного покроя и формы, которую, при всем разнообразии фасонов, связывало одно качество

– в ней было удобно ходить. Чарли решил принять за основу цвет и вскоре нашел себе пару невесомых замшевых сапожек в тон своему новому наряду. Он очень обрадовался, поняв, что сапожки ему впору – иначе и быть не могло, ибо содержимое шкафа, вне всякого сомнения, было точнейшим образом адаптировано к нуждам владельца всего гардероба.

Довольный своим новым одеянием, он бесцельно потрогал нелепый черный шар, громоздящийся на голове, и, подойдя к золотистым планкам, дотронулся до них ладонью. Открылась дверь, и вошел Филос (он что, все эти восемь часов простоял, уткнувшись носом в дверь?). На нем был широкий килт оранжево-желтого цвета, сандалии того же тона, и черное болеро, которое он надел задом наперед, что, впрочем, казалось вполне уместным. Когда Филос встретился глазами с Чарли, лицо его просветлело.

– Уже оделся? – спросил он. – Отлично!

После чего лицо его сморщилось, приняв выражение, которое ввергло Чарли в недоумение.

– Что-то не так? – спросил он. – Жаль, что у меня нет зеркала.

– Понимаю, – отозвался Филос. – Ты позволишь?

И замолчал.

Чарли понял, что Филос каким-то образом хочет исполнить его просьбу. Но как и почему он просит позволения?

– Конечно, – кивнул он, и тут же от удивления у него перехватило дыхание.

Филос соединил ладони и тотчас исчез, а вместо него перед Чарли появился некто в плаще цвета морской волны с высоким воротником; воротник обрамлял длинное лицо, а ниже виднелись изящные шорты с аккуратными складками передника, и мягкие полусапожки. Плечи были голые, на голове торчал немыслимый черный шар, но даже эта дурацкая деталь не портила ощущения чего-то в высшей степени модного и элегантного. Как ни странно, на само лицо Чарли внимания не обратил.

– Ну как, все в порядке? – спросил Филос, когда фигура исчезла, и он вновь появился перед Чарли, который все еще стоял с открытым от удивления ртом.

– Как ты это делаешь?

– О, я совсем забыл; ты этого еще не видел, – отозвался Филос.

Он протянул руку. Его запястье обхватывал браслет голубого металла – из такого же была сделана ложка, с помощью которой Чарли управился с завтраком.

– Когда я трогаю браслет пальцем, появляется вполне приличное зеркало, – объяснил Филос.

Он продемонстрировал действие браслета – на мгновение перед Чарли вновь появилась элегантная фигура с идиотским шаром на голове.

– Да, неплохая игрушка, – кивнул Чарли, который любил всевозможные хитроумные приспособления. – Но на кой черт таскать с собой зеркало? Ты сам можешь в него посмотреться?

– Увы, нет, – ответил Филос, с лица которого все еще не сошли недоуменные морщины, через которые, впрочем, теперь пробилась улыбка. – Это преимущественно защитное устройство. Мы здесь редко ссоримся, и одна из причин этого – наши зеркала. Представь: ты устал, тебе все осточертело, ты ведешь себя абсолютно нелогично (это слово включало в себя дополнительные значения – «глупо» и «оскорбительно»), и тут тебе показывают тебя – таким, как тебя видят другие.

– Да, это способно успокоить любого.

– Именно поэтому прежде чем вызвать зеркало, мы просим друг у друга позволения. Чистая вежливость. Думаю, это вообще свойственно любой человеческой культуре – в том числе, и вашей. Человеку не нравится, когда ему демонстрируют его самого, – если, конечно, он сам об этом не попросит.

– Да, у вас тут настоящая игровая комната, – восхищенно проговорил Чарли.

И, показав Филосу на свой наряд, спросил:

– А как я выгляжу?

Филос оглядел его с ног до головы, и морщинки на его лице углубились.

– Все отлично, – сказал он.

Впрочем, в голосе его слышалось некое напряжение.

– Замечательно, – повторил он. – Все выбрал со вкусом. Идем?

– Слушай, – сказал Чарли, помедлив. – Тебя что-то беспокоит? Если я сделал что-то не так, самое время об этом сказать.

– Ну, если ты сам спрашиваешь... (видно было, что Филос тщательнейшим образом подбирает слова), то скажи – тебе так мила эта... эта шляпа?

– Эта? – переспросил Чарли. – Да я про нее совсем забыл. Она совсем ничего не весит, а, потом, это зеркало, все такое...

И решительно закончил:

– Абсолютно не мила! Я просто примерил ее, а теперь не могу снять.

– Ну, это не проблема.

Филос раскрыл шкаф и извлек оттуда нечто, размером и формой напоминающее рожок для обуви.

– Вот, – сказал он. – Дотронься до шляпы.

Чарли так и сделал. Черный шар, отделившись от его головы, упал на пол и, подпрыгнув пару раз, затих. Чарли отфутболил его в глубь шкафа, отправив туда же и рожок.

– Что это? – спросил он.

– Деактиватор статического электричества, – пояснил Филос.

– И что, одежда держится на вас и на мне из-за статического электричества? – спросил Чарли.

– Да, – ответил Филос. – Видишь ли, эта материя – не просто мертвый материал. Хотя я не очень-то в этом разбираюсь. Спроси у Сиеса.

Чарли внимательно посмотрел на Филоса.

– Тебя все еще что-то беспокоит, – сказал он. – Ну-ка, выкладывай, что ты думаешь!

Беспокойное выражение не покидало физиономии Филоса.

– Я бы предпочел промолчать, а то...

– Что такое?

– Когда тебе что-то не нравится, ты занимаешься рукоприкладством... Точнее – ногоприкладством.

– О, мне очень жаль, что я так себя вел. Но теперь все иначе. Поэтому я готов услышать все что угодно.

– Знаешь, что ты надел себе на голову?

– Нет.

– Турнюр.

Расхохотавшись, они вышли из комнаты и отправились к Миелвису.

– Что-то они заигрались, – говорит Смитти.

– Игра как форма протеста.

– Протест так себе, не вполне адекватен.

Смитти не хочет унижать Херба, но про себя смеется.

Наступает тишина. Все уже сказано, слова кончились. Оба понимают, что каждый из них ищет тему для разговора, и не находит. Странно, неужели нельзя просто помолчать? Но Херб держит язык за зубами, а то, чего доброго, сосед решит, что он опять хочет взяться за что-то серьезное.

– Манжеты на брюках снова выходят из моды, – через минуту говорит Смитти.

– И опять миллионы парней будут перешивать штаны. А интересно, куда портные денут отрезанные манжеты? А производители? На что пойдет освободившаяся ткань?

– Наделают ковриков.

– Цена такая же, – говорит Херб, имея в виду брюки без манжет.

– Точно, – отзывается Смитти, понимая, что сказал Херб.

И вновь – тишина.

Наконец Херб задает вопрос:

– У тебя много немнущихся костюмов? Которые после стирки не нужно гладить.

– Ну, есть несколько. У всех нынче такие есть.

– А их что, реально стирают?

– Конечно нет, – качает головой Смитти. – В химчистках применяют специальный метод.

Отлично работает.

– Зачем же тогда на этикетках пишут, что можно стирать и не гладить?

– Да какая разница, что там пишут?

– Ты прав, – отзывается Херб, находя удобный момент, чтобы соскочить с темы.

– А вон и Фаррел из первого дома, – произносит, ухмыльнувшись, Смитти.

Он смотрит через фасадное окно на стоящий на противоположной улице, по диагонали, дом.

– Что он там, интересно, делает? – спрашивает Херб.

– Ящик смотрит, я думаю. Кресло у него идиотское.

Херб встает и пересекает комнату с подносом в руках. Ставит поднос на стол и возвращается. Никто на таком расстоянии и не подумает, что он подглядывает.

– Обычное кресло с обивкой. Что в нем такого?

– Красное! Кто в здравом уме в такую комнату внесет красное кресло?

– Да не переживай, Смитти! Наверняка скоро пригласит дизайнера и будет все переделывать.

– А помнишь, два года назад он все зашил сосной. Типа как на ранчо. А потом, и недели не прошло, притащил зеленое кресло. Тоже мне, мистер Первый Американец!

– Помню, – кивает головой Херб.

– Недели не прошло!

– Ну?

– Недели!

Херб взвешивает сказанное и говорит:

– Он что, может себе позволить нанимать дизайнера и рабочих каждые два года?

– Может, у него родственники богатые? – отзывается Смитти.

– А ты его знаешь?

– Я? Нет, конечно. Никогда там не был. Мы едва здороваемся.

– Хотя он, похоже, едва концы с концами сводит.

– Откуда известно?

– На машину посмотри.

– Может, он все деньги вбивает в дом!

– Все равно – странные люди.

– И что это значит?

– Тилли видела, как *она* покупает в магазине черную патоку.

– Черт побери, – качает головой Херб. – Это ни о чем не говорит. Патока – это вроде как народная медицина. Едят же люди всякую траву. А что касается машины, так, может, ему наплевать, что кого-то напрягает, что его машине полтора года.

Молчание.

– Пора бы мне покрасить дом, – говорит Смитти.

– Мне тоже, – вторит ему Херб.

Полосы белого света разрезают лужайку перед домом. Пикап Смитов въезжает на дорожку, заворачивает на стоянку и затихает. Дважды хлопают двери – словно двусложное слово. Приближаются женские голоса; дамы говорят одновременно, но ни одна не упускает ни слова из сказанного подругой. Распахивается дверь, входит Тилли, за ней Джанетт.

– Привет, парни! Отчего так тихо?

– Солидные мужчины, солидный разговор, – отзывается Смитти.

Они шли по волнообразным коридорам, дважды оказываясь над бездонными с виду колодцами – безо всякого для себя вреда. По этим колодцам они взлетели на верхние этажи, в просторное помещение, где их ждал Миелвис. Он был один. Его одеяние, состоящее из широкой желто-пурпурной ленты, которая по диагонали охватывала его тело от левого плеча, через талию и к правой ноге, делало его фигурой весьма представительной. Он приветствовал Чарли весело, но степенно, после чего открыто одобрил наряд гостя.

– Я вас оставлю, – сказал Филос, на которого Миелвис не обратил ровно никакого внимания (может быть, это говорило не о пренебрежении, а как раз наоборот – о высшей степени дружеского расположения, не нуждающегося в формальных выражениях?), пока тот не заговорил. Миелвис кивнул и улыбнулся. Филос исчез.

– Исключительно тактичен, – одобрительно сказал Миелвис. – Такой Филос у нас один.

– Он очень много для меня сделал, – сказал Чарли и, помимо собственной воли, добавил:

– Как мне кажется...

– Ну что ж, – Миелвис окинул его внимательным взглядом, – Филос говорит, ты чувствуешь себя гораздо лучше.

– Скажем так, я только начинаю понимать, как я себя чувствую, – отозвался Чарли. – А это – гораздо больше того, что я знал, когда здесь оказался.

– Ну что ж, опыт был нелегкий, спору нет.

Чарли внимательно рассматривал Миелвиса. Что-либо определенное сказать по поводу возраста ледомцев он был не в состоянии, и, если Миелвис казался старше остальных, то лишь потому, что прочие выказывали ему явное, особого рода уважение. А еще он был несколько крупнее остальных, с более полным, чем у прочих местных, лицом и каким-то странным расположением глаз. Но ни в одном из встреченных им аборигенов Чарли не заметил явных и безусловных признаков старения.

– Итак, ты хочешь узнать о нас все, так?

– Именно!

– И зачем?

– Это мой билет на дорогу домой.

Идиома была настолько изношенной, что, вероятно, не могла быть выражена на ледомском, и Чарли понял это, как только произнес эти слова. В местном языке не существовало понятий «платить» и «получать доступ», а слова, которые он использовал, чтобы передать значение «билет», означали скорее «этикетка» или «индекс».

– Я имею в виду, – продолжил он, – когда я увижу все, что мне покажут...

– ...и о чем ты только пожелаешь спросить...

– ...и я расскажу вам, что я обо всем этом думаю, вы сможете отправить меня туда, откуда забрали.

– Я очень рад, что могу подтвердить это, – сказал Миелвис, и у Чарли возникло ощущение, что его собеседник своими словами и интонацией дает понять, что подтверждение существующей между Ледомом и Чарли договоренности дается ему не без труда.

– Ну что ж, начнем! – проговорил Миелвис, и в его устах это прозвучало как острота.

Чарли озадаченно засмеялся.

– Я даже не знаю, с чего! – сказал он.

Он читал у кого-то, скорее всего у Чарльза Форта, замечательную фразу: если хочешь измерить длину окружности, начни из любой точки.

– Ну что ж, – сказал он наконец, – мне хочется узнать о ледомцах... что-нибудь очень личное.

Миелвис развел руками.

– Спрашивай все, что считаешь нужным.

Но робость неожиданно овладела Чарли, и он не смог задать прямого вопроса. Вместо этого он начал осторожно подбирать слова:

– Вчера, перед тем как я лег спать, Филос сказал, что... что ледомцы никогда не видели мужского тела. Из этого я вывел, что вы все – женщины. Но Филос сказал, что это не так. Но ведь можно быть либо тем, либо другим, верно?

Миелвис не ответил. Он неподвижно смотрел в глаза Чарли, и на губах его застыла мягкая дружелюбная улыбка. Несмотря на все возрастающее смущение, Чарли опознал технику, которую использовал Миелвис, и по достоинству оценил ее – когда-то у него был учитель, который вел себя точно так же. Он словно приглашал собеседника самому найти ответ и сделать выводы. Но такая техника применима лишь к тому, кто располагает всеми необходимыми фактами и способен ими распорядиться – на этом были основаны детективные романы про Эллери Куина, где читателю предлагалось самому определить, кто убийца, на основании имеющихся сведений.

Чарли попытался вспомнить и оценить все тревожившие его впечатления, произведенные за этот короткий срок на него местными жителями. Что его смутило? Увеличенные, хотя и не слишком, грудные мышцы, размер пигментированного пятна вокруг соска, отсутствие широкоплечих и узкобедрых индивидуумов. Что касается прочих внешних характеристик, таких, как длина волос, то прически, как правило, у местных были короткие, но это не могло сбить Чарли с толку – как и разнообразие одеяний.

Затем он мысленно обратился к языку, на котором, как он справедливо полагал, мог говорить достаточно свободно, но который по-прежнему периодически ставил его в тупик. Он взглянул на Миелвиса, который продолжал серьезно и одновременно терпеливо смотреть на него, и произнес про себя на ледомском: «Я смотрю на него», после чего стал анализировать местоимение «него» и обнаружил, что оно не несет значения мужского рода. Нет, это было личное местоимение, его нельзя было использовать по отношению к вещам, но в ледомском языке оно было лишено гендерных характеристик. Если Чарли считал, что местоимение «он» и его производные относятся к мужскому роду, то это было ошибкой самого Чарли, и теперь он это понимал.

Но если личные местоимения в ледомском не выражали характеристик рода, означало ли это, что местные жители не имели половых признаков? Чарли понял – лишь это допущение позволяло хоть как-то соотнести замечание Филоса с действительностью: мужчин они не видели, но и женщинами не были.

Слова и понятия «мужское» и «женское» существовали в языке, но... И Чарли понял: ледомцы несли в себе оба начала. Они были одновременно и мужчинами, и женщинами.

Чарли взглянул Миелвису в глаза. Тот терпеливо ждал.

– Вы – и то, и другое, – сказал Чарли.

Несколько мгновений его собеседник, застыв, будто каменное изваяние, молчал. Потом лицо его расплылось в довольной улыбке.

– Тебе это кажется ужасным? – спросил он.

– Я пока не решил, ужасно это или нет, – отозвался Чарли. – Я просто хочу понять, насколько это возможно.

– Я тебе покажу, – сказал Миелвис и, поднявшись, все так же торжественно обошел стол и приблизился к Чарли, который от волнения едва дышал.

– Привет, парни! – говорит Тилли Смит. – Что так тихо?

– Мужской разговор, – отзывается Смитти.

Вступает Херб:

– Привет, девушки! Как покатали шары?

– Три броска – и партия закончена, – отзывается Джанетт.

– Хербу хватает одного, – произносит Смитти бесстрастно, хотя это и неправда.

Тилли подхватывает:

– А не накидаться ли нам всем? Налей-ка, Смитти.

– Только не нам, – отрицательно качает головой Херб, позвякивая льдом в пустом стакане. – Я свою норму залил, и мне хватит.

– Мне тоже, – подхватывает Джанетт, поймавшая мысль мужа.

Херб встает.

– Спасибо за выпивку и грязные шутки, – говорит он Смитти.

– Не вздумай рассказать им про девочек по вызову, – усмехается тот, а Джанетт изображает, будто кидает шар.

Тилли повторяет движение подруги, и Смит поглубже топит свое тело в кресло, что ему в любом случае нравится. Херб подхватывает сумку Джанетт, картинно закатывая глаза. Джанетт отключает электронную няню и сует мужу под левую подмышку, под правую отправляя свою сумочку. Она – леди, а потому некоторое время ждет, пока Херб не распахнет перед ней дверь, толкнув коленом.

Они выходят.

– Следуй за мной, – сказал Миелвис.

Чарли встал и пошел за ним в соседнюю комнату, поменьше. Одна из ее стен от пола до потолка была занята чем-то, напоминающим каталог, – ряды прорезей в стене, снабженных карточками. Но господи! – заметил Чарли, и здесь они не удосужились расположить все по прямой. Прорези сделаны в форме арок. Правда, Чарли отметил, что устроены они очень удобно – нечто подобное он как-то видел на конвейере, где инженер, занимавшийся оптимизацией рабочих процессов, располагал полочки с инструментами справа и слева от рабочего так, чтобы максимально облегчить его труд.

Возле боковой стены стоял мягкий белый смотровой стол. Проходя мимо него, Миелвис увлек его за собой и, пока стол неслышно катился за ним на невидимых колесиках, он уменьшился и стал высотой с обычный стул.

– Садись! – бросил Миелвис через плечо.

Ни слова не говоря, Чарли сел. Миелвис подошел к каталогу и принялся просматривать карточки. Наконец он решительно протянул руку:

– Вот то, что мне нужно!

Просунув свои длинные сильные пальцы в прорезь, он потянул вниз, и тотчас же изнутри появился экран около трех футов ширины и семи футов длины. Как только он вышел из прорези полностью, то засветился внутренним светом, и тотчас же свет в комнате стал гаснуть. Таким же образом Миелвис извлек из каталога еще один экран, после чего сел рядом с Чарли.

Теперь комната полностью погрузилась в темноту, хотя экраны перед Чарли светились на полную мощь. На них был в цвете изображен ледодец, одетый лишь в шелковый спорран, верхняя кромка которого располагалась в дюйме под пупком, а нижняя – чуть выше середины бедра. На животе спорран был не шире ладони, а внизу расходился до ширины бедер. Чарли уже много раз видел этот непременный атрибут местной одежды, причем – те спорраны были и

короче, и длиннее этого, и, самых разных цветов – от синего и пурпурного до белого и нежно-зеленого. Правда, ледомца без споррана он пока не встречал – по-видимому, на этот счет здесь были строгие правила, и пока Чарли Миелвиса об этих правилах расспрашивать не собирался.

– Снимаем покровы, – проговорил Миелвис, и каким-то образом, незаметным для Чарли, он заставил изображение измениться. Щелк! И исчез спорран, а также располагавшийся под ним верхний слой кожи, обнажив слой соединительной ткани, из-под которого проглядывали мышцы брюшины. Неизвестно откуда достав длинную черную указку, Миелвис принялся объяснять Чарли, как устроены открывшиеся органы, а также рассказывать об их функциях. Кончик указки то заострялся, то превращался в колечко, то в полускобку, а язык, которым Миелвис вел свой рассказ, был предельно точен и полностью направлен на то, чтобы дать на все вопросы Чарли исчерпывающие ответы.

А Чарли дал себе волю! Его стеснительность испарилась без остатка, уступив место двум его важнейшим качествам, одно из которых было результатом хаотического, неустанного и никем не контролируемого чтения и сводилось к детальной осведомленности в миллионе вещей, намертво застрявших в его голове, а другое, также вызванное описанным обстоятельством, состояло в наличии гигантских прорех и несообразностей в этом корпусе знаний. Чарли и не подозревал, как много он знает, и сколь неряшливо устроена его голова.

Открывшиеся перед Чарли анатомические подробности способны были восхитить кого угодно, а особенно того, кто не утратил способности изумляться гению природы, ее изобретательности, а также умопомрачительной сложности живых существ.

Во-первых, ледомец имел как мужские, так и женские половые признаки, причем в активной форме. Мужской орган целомудренно укрывался в том, что у *homo sapiens* называлось бы вагинальной впадиной, и туда же выходили проходы сразу двух маток – аборигены каждый раз производили на свет по два близнеца. При возбуждении фаллос увеличивался и являлся на свет; в спокойном же состоянии он был полностью укрыт. Уретра была частью фаллоса. Совокупляясь с партнером, ледомец играл одновременно и женскую, и мужскую роль – иначе соитие было бы невозможно. Яички находились на поверхности тела, в паху, под тонким слоем кожи. И, насколько это смог определить Чарли, у ледомцев была изумительным образом реорганизована нервная система, появилась, по крайней мере еще одна пара кольцевых мышц, а также были частично перераспределены функции желез Бартолини и Купера.

Когда Чарли получил исчерпывающие ответы на свои вопросы, а Миелвис понял, что его гость вполне удовлетворен, он отправил экраны назад, в прорези, и включил свет.

Некоторое время Чарли сидел тихо. Перед его взором встал образ Лоры. От биологии никуда не деться. Помнится, существовали астрономические символы для мужского и женского начал. Марс – мужское, Венера – женское. А как могли бы, применительно к своим условиям существования, уточнить эти символы сами ледомцы? Марс плюс игрек? Венера плюс икс? Сатурн, вывернутый наизнанку?

Напряженно моргая, Чарли поднял глаза на Миелвиса.

– Как же это вы все так перемешали? – спросил он.

Миелвис снисходительно рассмеялся и, повернувшись к стене с прорезями, принялся что-то искать. Чарли же, несмотря на только что сделанные открытия, продолжал воспринимать его как существо мужского рода – несмотря на то, что соответствующее личное местоимение в ледомском языке было лишено гендерных референтов. Чарли внутренне подготовился к новым откровениям, но Миелвис, издав недовольное ворчание, устремился в угол комнаты, где приложился ладонью к спиралевидному значку на стене.

Тотчас же раздался тоненький вежливый голосок:

– Да, Миелвис!

– Тагин! – произнес Миелвис, – где у нас материалы по *homo sapiens*?

– В архиве, каталог «Исчезнувшие приматы».

Миелвис поблагодарил собеседника и, отойдя в сторону, к другой стене с прорезями, нашел то, что искал, после чего жестом позвал Чарли присоединиться. Тот, сопровождаемый скамьей, подчинился. Они уселись перед извлеченными из стены экранами.

Свет погас, экраны засветились.

– Вот картинки с *homo sapiens*, мужчиной и женщиной, – начал Миелвис. – Ты говоришь, что все у нас перемешалось. Но я тебе покажу, насколько ничтожны произошедшие изменения.

Он начал с изумительно красивого изображения репродуктивных органов человека, показав, насколько они схожи у мужчин и женщин в пренатальный период, и насколько принципиально мало отличаются друг от друга в более зрелом возрасте. Каждый орган у мужчины имел свой аналог в женском теле.

– И, если бы ты не принадлежал к культуре, которая только и занимается тем, что акцентирует различия между мужчиной и женщиной, ты бы увидел, насколько эти различия минимальны (впервые Чарли слышал ледомца, который рассуждает о культуре *homo sapiens*).

Затем Миелвис перешел к экспонатам, иллюстрирующим разнообразные патологии. Здесь можно было увидеть, как, подвергнутый простому биохимическому воздействию, один орган мог атрофироваться, а другой, наоборот, невероятным образом развивал функции, которые в его случае считались рудиментарными. Мужчина начинал производить грудное молоко, а женщина – отращивать бороду. Миелвис доказал Чарли, что сильный пол может выделять прогестерон, а слабый – тестостерон, хотя и в ограниченных объемах. Потом он перешел к иным видам, чтобы продемонстрировать Чарли все многообразие типов размножения, существующих в живой природе. Он показал пчелиную матку, которая совокупляется высоко в небе, а после, от поколения к поколению, оплодотворяет тысячи яиц; стрекоз, которые устраивают любовный танец, соединившись в некое подобие кольца, порхающего над болотами; лягушек, чья самка откладывает икру в большие поры на спине своего кавалера. Были там и морские коньки, у которых честь приносить потомство принадлежит мужским особям, и осьминоги-аргонавты, которые в присутствии своих возлюбленных начинают размахивать специальными щупальцами – те отрываются и, в случае, если дама благосклонна к своему ухажеру, она подхватывает свободно плывущее щупальце и использует его для оплодотворения; если же самец самке не по душе, то щупальце со сперматофорами съедается. К моменту, когда Миелвис закончил, Чарли готов был признать, что, по сравнению с великим многообразием способов размножения, которые демонстрируют представители живой природы, различия между ледомцами и *homo sapiens* не кажутся такими уж существенными.

– Но как все это произошло? – спросил Чарли, когда наконец смог уместить в своей голове полученные сведения.

Однако Миелвис ответил вопросом на вопрос:

– Что заставило первых наземных созданий выбраться из жижи первобытных болот и, вместо воды, вдохнуть воздух? Как их потомки спустились с деревьев и, подобрав на земле дубину, использовали ее в качестве первого инструмента? Почему некое существо, впервые выкопав ямку, вполне целенаправленно уронило туда семечко, надеясь на всходы? Это просто случилось – и все. Такие вещи случаются...

– Но ты знаешь гораздо больше, чем говоришь, – с трудом сдержал возмущение Чарли. – И о моем виде – тоже.

Миелвис, несколько раздраженно, отозвался:

– Твой вид – это специальность Филоса, а не моя. Меня больше занимает Ледом. Но, как я понимаю, ты не очень-то хочешь знать, почему вы исчезли. Никто из нас не собирается ничего скрывать от тебя, но не кажется ли тебе, что возникновение Ледома и конец *homo sapiens* как вида – вещи взаимосвязанные? Конечно, тебе решать, хочешь ли ты знать об этом или нет.

Чарли опустил глаза.

– Спасибо, Миелвис, – проговорил он.

– Поговори с Филосом, – сказал Миелвис, широко улыбнувшись. – Он все объяснит лучше, чем кто бы то ни было. И он знает, где остановиться. А я не смогу – не в моих привычках удерживать важную информацию. Так что – к Филосу!

– Спасибо! – повторил Чарли. – Непременно.

Напоследок Миелвис, все так же широко улыбаясь, сказал:

– Природа, какой бы расточительной и избыточно разнообразной она ни была, неизменно следует одному важному принципу – она последовательна. И природа свято придерживается этого принципа – даже если для этого ей приходится творить чудеса.

– И все-таки это здорово, – говорит Джанетт, вернувшись из детской спальни. Она наливает две порции виски в стаканы с толстыми стенками – себе и мужу. – Здорово иметь таких соседей.

– Согласен, – кивает головой Херб.

– У нас так много общего!

Минуту подумав, Херб интересуется:

– Как провели вечер?

– Отлично, – отзывается Джанетт и, помолчав, говорит:

– Значит, история такая. Усвой и смотри не забудь. Ты семь недель корпел над презентацией для своих кондитеров, которые намерены торговать мороженым и всякими булочками.

– Вот как? Целых семь недель?

– И придумал для них слоган.

– Да быть не может! И как это меня угораздило?

– Помолчи! Слоган звучит так: «Попробуй укуси»!

Херб, ошеломленный, во все глаза смотрит на жену.

– Ничего себе! – наконец произносит он. – Да ты просто гений!

– Никакой я не гений. Я – мелкий воришка. Это Тилли придумала, случайно, а я присвоила. Надеюсь, она забудет, а я всем скажу, что ты корпел над этим слоганом семь недель.

– Умно! Думаю, сработает. Кстати, Смитти меня сегодня пригнул.

– Ты что, дал ему по носу?

– Типа того.

– А что случилось?

Херб рассказывает жене о телешоу, которое они смотрели, о том, как он высказал что-то наподобие похвалы, а оказалось, что шоу спонсирует конкурент Смитти.

– Да, это было глупо, – говорит Джанетт. – Хотя Смитти, конечно, гнус.

(Это их домашний сленг для всего гадкого, что есть на свете.)

– Я выкрутился, – успокаивает жену Херб.

– Все равно, неплохо было бы запастись хорошей бомбой. На всякий случай.

Херб смотрит в окно на лужайку, которая отделяет их дом от дома Смитти.

– Слишком близко, чтобы взрывать бомбу.

– Главное, чтобы они не узнали, кто их взорвал.

Херб качает головой.

– Но мы же реально не хотим их взрывать, – говорит он.

– Конечно нет. Бомба нам нужна на всякий случай. К тому же кое-кто уже подложил им бомбу.

И Джанетт рассказывает Хербу про старика Трайзера, которого в «Кавалере» подкинули наверх, и теперь он может запросто расплющить Смитти.

– Будь к нему снисходительна, Джанетт, – говорит Херб. – У него простатит.

– И он – в полной прострации? Сам признался?

– Нет, я узнал случайно. А еще у него геморрой.

Джанетт издает смешок.

– Теперь Тилли у меня поерзает, – произносит она.

– Ты – самая мстительная девица из всех, кого я знаю, – говорит Херб.

– Они нагнули моего милого бэбика, а я должна быть паинькой?

– Тилли подумает, что это я тебе сказал.

– Не догадается. Мало ли как я узнала. Я все беру на себя, мой крошка. Мы же одна команда, не так ли?

Херб покрутил стакан в руке, глядя, как на поверхности виски формируется небольшой водоворот.

– Смитти об этом кое-что говорил, – произносит он и рассказывает жене о дезертах, которые купила себе Тилли, а также о том, что очень скоро дети перестанут различать, кто из родителей отец, а кто – мать.

– И тебя это волнует? – спрашивает Джанетт.

– Немного.

– Перестань, – говорит Джанетт. – Забуди про этот старый труп в шкафу. Мы же люди нового времени. Ну и что страшного произойдет, если Карен и Дейви вырастут без этих допотопных образов Отца и Матери в голове?

Херб задумчиво потягивает виски и произносит:

– Так и случится: Карен напишет книжку «История моей жизни», и – цитата: «Не было у меня ни папочки, ни мамочки, как у всех прочих деток, а воспитывал меня государственный Комитет по делам сирот».

– Комитет или не комитет, ты, мрачный провидец, но, если у деток будет еда, одежда и любовь – что им еще нужно?

– Но должно же быть у них какое-то представление о том, что отец – это тот, кто всегда сверху.

Джанетт похлопывает мужа по щеке.

– Только в том случае, если у того, кто сверху, все большое. А у тебя все настолько большое, что ты вполне заменишь любой комитет.

– Что ты имеешь в виду?

– Сейчас объясню. Идем-ка в кровать!

Филос ждал Чарли возле дверей.

– Ну и как? – спросил он.

– Мощно, – отозвался Чарли. – Впечатляюще.

Он внимательно посмотрел на Филоса.

– Тебе вся эта история, конечно, уже до лампочки, не так ли? – произнес он.

– Хочешь узнать что-нибудь еще? – спросил Филос. – Или пока хватит? Будешь спать?

– Не сейчас. Ночью.

Он сказал это по-ледомски, но это понятие, «ночь», в местном языке почему-то не могло найти для себя воплощения в слове – так же, как и понятия «мужской» и «женский».

Поэтому Чарли произнес:

– Когда станет темно.

– Что станет темно? – переспросил Филос.

– Разве ты не знаешь? Солнце сядет, звезды появятся, луна, все дела.

– У нас не становится темно.

– Как это? – в недоумении посмотрел на Филоса Чарли. – А что, Земля уже не вращается?

– О, я тебя понимаю, – улыбнулся Филос. – Там, снаружи, действительно темнеет, но только не в Ледоме.

– А вы что, живете под землей?

Филос склонил голову и, улыбаясь одними губами, посмотрел на Чарли.

– На этот вопрос нельзя ответить односложно, – сказал он.

Чарли посмотрел через широкую панель окна на затянутую дымкой серебристого цвета небо.

– И почему?

– Тебе лучше спросить об этом Сиеса. Он хорошо объяснит.

Неожиданно для самого себя Чарли рассмеялся и, увидев недоуменный взгляд Филоса, пояснил:

– Когда я о чем-то спрашивал тебя в прошлый раз, ты сказал, что на все мои вопросы ответит Миелвис. Когда я начал задавать вопросы Миелвису, он сказал, что лучше тебя на них никто не ответит. Теперь ты отправляешь меня к Сиесу.

– О чем ты спрашивал Миелвиса?

– Про историю Ледома. И он сказал, что ты – лучший специалист. А еще ты знаешь, когда следует остановиться. Да, точно: ты знаешь, когда следует придержать информацию, потому что это – не в его правилах.

И вновь словно бы тень пробежала по смуглому лицу Филоса.

– Так уж я устроен, – сказал он мрачно.

– Послушай! – проговорил Чарли. – Может быть, я что-то не так понимаю. Может, что-то упустил. Но мне не хотелось бы, чтобы из-за меня у вас начались разборки.

– Перестань, прошу тебя, – сказал Филос. – Я знаю, что он имел в виду. И ты здесь совсем ни при чем. А история Ледома – это история Ледома, и к вам она не имеет никакого отношения.

– Еще как имеет! Миелвис говорит, что начало Ледома напрямую связано с концом эпохи homo sapiens, и на этот счет я хочу полной ясности. Это меня касается напрямую!

Они медленно шли, но Филос вдруг остановился и, положив руки на плечи Чарли, сказал:

– Чарли Джонс! Мы оба и правы, и неправы. Но ты не несешь за это никакой ответственности. Пусть все будет так, как есть. Я, конечно, виноват, что веду себя таким образом. Давай забудем все это – мои чувства, мои проблемы...

– Ну что ж, если это – единственное, что я не узнаю в Ледоме, пусть будет так, – сказал Чарли и рассмеялся. Он был готов все забыть.

Но он не забудет.

Уже почти засыпая, Херб неожиданно произносит:

– Но Маргарет нас не любит.

Джанетт хочет успокоить мужа и говорит:

– Мы ее тоже разобмбим. Засыпай.

После чего, вдруг приободрившись, интересуется:

– А кто это – Маргарет?

– Маргарет Мид, антрополог. Это она написала статью, о которой я тебе говорил.

– И почему же она нас не любит?

– Она говорит, что любой мальчишка хочет, когда вырастет, быть похожим на отца. И если отец хороший добытчик и товарищ по играм, если у него руки растут из нужного места, и он запросто может починить стиралку, сушилку и косилку, то и мальчик растет с чувством, что ему все по плечу, и сам становится хорошим добытчиком и товарищем для своих детей.

– Ну, а мы здесь при чем? – недоумевает Джанетт.

– Она говорит, что в нашем тепличном мире невозможно вывести генерацию героев, великих разбойников и гениальных художников.

Немного помолчав, Джанетт произносит:

– Скажи своей Маргарет, пусть она засунет свои слова куда подальше. Вот именно, туда! Я же говорила тебе, что мы – совершенно новая порода людей, и дети в нашем мире должны

быть свободны от стереотипов. Вечно пьяный Отец и Мать с мороженым в руке! Нет их больше, и не будет никогда! Мы вырастим новую генерацию людей – они будут ценить то, что имеют, и не станут тратить время, чтобы под кого-то там подлаживаться. А ты, мой маленький, перестань думать о слишком серьезных вещах. Тебе вредно.

– Ты знаешь, – говорит Херб удивленно, – но Смитти говорит мне то же самое.

Он смеется.

– Но он говорит это мне, чтобы нагнуть, а ты – чтобы вознести.

– Все зависит от точки зрения, как я полагаю. От того, как ты на это смотришь.

Некоторое время Херб лежит, думая о женских и мужских дезертах, о Комитете, который вскоре заменит родителей, об Отце, могучем и великом, но почему-то с кухонным полотенцем в руках, и еще о дюжине подобных несообразностей, пока наконец все это не начинает кружиться перед его мысленным взором и покрываться дымкой дремоты, и он говорит:

– Спокойной ночи, любовь моя.

– Спокойной ночи, любовь моя, – шепчет Джанетт.

– Спокойной ночи, счастье мое.

– Спокойной ночи, счастье мое...

И Херб взрывается:

– Какого черта? Перестань повторять за мной! Сколько можно?

Джанетт не испугана, скорее – обеспокоена; она понимает, что с мужем что-то происходит, а потому предпочитает промолчать.

Через минуту Херб произносит:

– Прости, дорогая.

– Не бери в голову, Джордж! – отвечает она.

Херб понимает, что просто обязан рассмеяться.

Чтобы добраться до Первого научного центра на метро (для обозначения этого вида транспорта было специальное слово на ледомском, но оно не имело эквивалента в английском языке), Чарли и Филосу потребовалось всего несколько минут. Оказавшись у основания громады Центра, они обошли бассейн, где плескались человек тридцать-сорок ледомцев, и немного задержались, чтобы посмотреть на происходящее. Они обменивались короткими, почти ничего не значащими фразами, поскольку и у того, и у другого было о чем подумать, и, на мгновение отвлекшись от собственных мыслей, Чарли спросил, глядя на ныряющие, плавающие и прыгающие тела:

– А на чем держатся эти маленькие передники?

Филос, протянув руку, мягко дернул Чарли за волосы и ответил вопросом на вопрос:

– А на чем держится это?

И Чарли, что бывало с ним крайне редко, вспыхнул.

Обойдя здание, они оказались под колоссальным козырьком, нависшим над входом, и Филос, остановившись, сказал:

– Я подожду тебя здесь.

– Лучше бы тебе пойти вместе со мной, – покачал головой Чарли. – Чтобы быть под рукой, когда мне опять предложат «поговорить об этом с Филосом».

– Конечно, Сиес так и скажет, – отозвался Филос. – Но я обещаю говорить с тобой обо всем с предельной откровенностью, когда придет время. Кстати, может быть, тебе лучше сперва узнать все о Ледоме теперешнем, пока я не огорошил тебя информацией о его прошлом?

– Так чем же все-таки ты занимаешься?

– Я историк, – ответил Филос.

Он жестом пригласил Чарли подойти к основанию стены и положил руку на невидимый поручень лифта.

– Готов? – спросил он.

– Готов.

Филос сделал шаг назад, и Чарли полетел вверх. К этому времени он уже привык к полетам на лифтах настолько, что уже не воспринимал их как крушение мироздания. Поднимаясь, он смотрел на Филоса, идущего прочь от здания по направлению к бассейну. Странное создание, подумал Чарли. Похоже, никто его не любит.

Он добрался до большого окна в середине здания и, когда движение прекратилось, смело шагнул к нему и – дальше – сквозь окно. И вновь, когда невидимые стены распахнулись перед ним, он ощутил, что его окутывает некая капсула, которая и обеспечивает его беспрепятственное движение. Как-то так Чарли все это и пытался для себя объяснить.

Он осмотрелся. Первое, что он увидел в оббитой серебристыми панелями комнате, была машина времени – гигантское, похожее на тыкву с крыльями устройство, двери которого были открыты – как и в тот день, когда его сюда принесло. Крылья по краям комнаты были задрапированы, на стойке в центре комнаты расположился набор неких странных инструментов, рядом стоял рабочий стол, заваленный бумагами, и несколько стульев, напоминавших не то грибы, не то кочки.

– Сиес! – позвал Чарли.

Никакого ответа не последовало. Чарли, немного робея, прошел в комнату и сел на один из стульев. Он позвал Сиеса еще раз, уже громче, но также безрезультатно. Положив ногу на ногу, он ждал. Потом изменил положение ног. Потом встал, подошел к машине времени и заглянул внутрь.

Он и не подозревал, насколько сильный удар нанесет ему этот взгляд в недра машины. Он вообще не думал, что хоть что-то почувствует. Но, когда он увидел этот мягкий серебристый пол, на котором лежал, покрытый потом, и скорее мертвый, чем живой, отделенный от всего, что знал и любил, столетиями и многими километрами, все в нем перевернулось. На глаза его навернулись жгучие слезы. Лора! Лора! Неужели ты мертва? И что, перед тем как умереть, твое нежное тело сморщилось и покрылось морщинами? А может быть, увидев это, ты обрадовалась? Потому что твоя смерть приблизит нас друг к другу, и ты это понимала? О, Лора! Я бы отдал все, отдал бы саму жизнь, лишь бы прикоснуться к тебе – к тебе, к твоему стареющему, покрытому бесчисленными морщинами телу!

А может быть, ты пережила конец – этот ужасный конец всего и вся, – когда была еще молодой? И может, тяжеленный молот ядерного взрыва ударил в твой дом и в одно мгновение покончил с тобой? А может, это был ядовитый дождь; кровь хлынула у тебя из внутренностей, тебя стала душить тошнота и ты, подняв голову с подушки, увидела на ней свои безжизненные волосы?

А как бы я тебе понравился? Чарли вдруг испытал приступ болезненной веселости. Как бы я тебе понравился в этом диком наряде – шорты цвета морской волны с красным поясом, безумного покроя костюм и этот дурацкий воротник?

Чарли опустился на колени возле двери машины времени и прикрыл лицо ладонями.

Через несколько мгновений он встал и отправился поискать, чем бы вытереть нос.

Оглядываясь по сторонам в поисках платка или полотенца, он продолжал бормотать:

– О, Лора! Когда это случится, я буду с тобой. Мы вместе будем ждать конца. А может быть, ожидая, мы умрем от старости.

Ослепленный горем, он вдруг обнаружил, что теребит занавеси, прикрывающие ответвление в дальнем углу комнаты. Как он здесь оказался и что делает – этого он не знал. За занавесью находилась стена, и больше ничего, но на стене был изображен обычный спиралевидный знак, и Чарли дотронулся до него ладонью. Открылась дверь – точь-в-точь такая же, как та, через которую ему был подан завтрак. Но здесь выдвижного стола не было. Перед Чарли откры-

лось освещенное помещение, и там он увидел штабеля прямоугольных прозрачных коробок, а также книгу.

Сперва из любопытства, а потом с чувством нарастающего волнения он начал одну за другой брать коробки и рассматривать их содержимое.

В первой коробке лежал гвоздь, обычный ржавый гвоздь с проблескивающими через слой ржавчины полосками металла – там, где гвоздь царапали чем-то острым.

В другой коробке лежал поврежденный, вероятно дождем, фрагмент спичечной книжечки – бумажные полоски, на которые была нанесена сера, пропитались красным от размокших головок. И Чарли узнал эту книжечку. Он узнал бы ее где угодно. Она была из гриль-бара Дули, что находился на Арч-стрит. Правда, буквы, которые на книжечке сохранились, были вывернуты наизнанку...

В следующей коробке оказался засохший букетик ноготков. Не яркие и даже вызывающе бесстыдные в своей красоте волшебные продукты скрещивания и селекции, которые росли повсеместно здесь, в Ледоме, а самые простецкие, самые скромные цветы из далекого прошлого Земли.

Еще одна коробка. Здесь Чарли увидел горсть земли. Что за земля? Может быть, эта земля несет на себе отпечаток ее ноги? А может быть, она взята с дорожки, над которой висела большая белая лампа с цифрой 61? А что? Ледомцы испытывали свою машину времени, и ее передние зубы захватили эту горсть земли из прошлого! Вполне вероятно.

Наконец Чарли добрался до книги. Как и все в Ледоме, внешним видом книга сильно отличалась от классического параллелепипеда, каковыми были книги в эпоху Чарли, и своей формой напоминала большое овсяное печенье с неровными краями. Да и строчки внутри изгибались подобно дугам, впрочем, не вполне правильной формы. Кстати, если писать, не сдвигая с места локоть, результатом как раз и будут дугообразные строчки. Но, так или иначе, книга раскрылась, как и положено раскрываться любой книге, и Чарли мог ее читать. Книга была на ледомском, но Чарли без труда разбирал слова, что его несколько не удивляло – научился же он говорить на этом языке!

На первых страницах книги описывался некий сложный технический процесс; дальше шли колонки цифр, многие из которых стирались или исправлялись, и все это напоминало рабочие записи некоего эксперимента. На последующих страницах Чарли нашел серию изображений – четыре циферблата, но без стрелок. Ближе к концу книги этих страниц не касалась рука экспериментатора, но в начале к циферблатам были пририсованы стрелки в разных положениях, а от руки были сделаны странные надписи. Например: «Контейнер отправлен. Не вернулся». Записей относительно того, что кто-то (или что-то) не вернулся, было достаточно много, но вот Чарли дошел до страницы, на которой стоял огромный восклицательный знак, написанный, естественно, по-ледомски. Страничка содержала запись «Эксперимент 18», а ниже, трясущейся от волнения и радости рукой, было написано: «Орех отправлен. Вернулся цветок». Чарли взял коробку с ноготками и принялся задумчиво вертеть ее в руках. Вот он, результат восемнадцатого эксперимента.

А что это за циферблаты? Чарли развернулся и почти бросился к странного вида оборудованию в центре комнаты. Вот они, все четыре циферблата, а возле каждого – что-то вроде ручки управления. Ну-ка, если установить эти ручки так, как показано в книжке, то получится как раз то, что нужно. А тумблер – он на любом языке тумблер, как и слова «включить» и «выключить», расположенные рядом с ним.

Чарли вернулся в угол и принялся лихорадочно переворачивать страницы. «Эксперимент 68», а дальше – пустые страницы. В пометках по шестьдесят восьмому эксперименту зафиксировано: «Камни отправлены... Вернулся Чарли Джонс».

Чарли сжал книгу дрожащими пальцами и принялся судорожно запоминать цифры.

– Чарли! Ты здесь, Чарли?

Это Сиес.

Когда Сиес, вошедший в комнату через какую-то невидимую дверь, расположенную по ту сторону машины времени, появился из-за угла, Чарли уже успел положить книгу на место. Но закрыть дверь в хранилище с коробками ему не удалось, и он стоял теперь перед ним, держа в руках коробку с сухими ноготками.

– Ну, и что ты тут делаешь?

Херб, открыв глаза, видит стоящую рядом жену и говорит:

– Лежу в гамаке, разговариваю со своей красавицей женой. Имею право – суббота!

– Я наблюдала за тобой. Ты чем-то расстроен?

– Расстроен? Скорее раздвоен. А ты что, подглядывала?

– Ах ты, мой петушок – золотой гребешок! Скажи мамочке, что случилось.

– Ни ты, ни Смитти не желаете, чтобы я говорил о серьезных вещах.

– Но я так сказала, когда уже фактически спала!

Херб думает несколько мгновений и говорит:

– Хорошо, скажу. Я тут думал о книжке, которую когда-то читал и которую хотел бы прочитать снова. Это – «Исчезновение».

– А что, эта книжка уже исчезла? О, я помню! Это же Филип Уайли. Он любит рыбу и ненавидит женщин.

– Ты не права. Рыбу он действительно любит. Но ненавидит он не женщин, а то, как с ними обращаются.

– И именно поэтому ты так расстроен?

– Не очень-то я и расстроен. Я просто пытался точно вспомнить, что этот парень говорит.

– В «Исчезновении»? Я помню. Он говорит, что однажды все женщины исчезнут с поверхности Земли. Жуть!

– Так ты тоже ее читала? Очень хорошо! Помнишь, там есть глава, где Уайли размышляет о мужчинах и женщинах?

– Помню, – говорит Джанетт. – Я начала ее, но потом бросила. Там же нет никакого действия. Скучно.

– Главное отличие плохого писателя от хорошего состоит в том, что хороший писатель пишет так, что читатель и не замечает, что перед ним – слова. Именно так у Уайли и получилось в этой главе. Но вот парадокс – кому она больше всех нужна, тот ее и не читает.

– Ты хочешь сказать, что она мне нужна? – спрашивает Джанетт. – И что именно мне там нужно?

– Да ничего!

– О, милый, я совсем не хотела...

– Мне кажется, вы с ним думаете одинаково, – говорит Херб. – Просто он лучше тебя все это понимает.

– Что понимает, Херб? Ради всего святого!

Херб открывает глаза и смотрит на небо.

– Он говорит, что свою первую ошибку люди сделали тогда, когда стали забывать о том, насколько похожи мужчины и женщины, и сосредоточились на различиях. Уайли называет это первородным грехом. Он утверждает, что это и стало причиной того, что мужчины ненавидят и других мужчин, и женщин. В этом причина всех войн и, вообще, всей жестокости, что царит в мире. Из-за этого мы почти утратили способность любить.

Джанетт фыркает:

– Я никогда не говорила ничего подобного!

– Именно об этом я все время думаю, – произносит Херб. – Ты твердишь о том, что мы – новая порода людей. Команда или, там, Комитет. И девочки могут делать то, что делают мальчики, и наоборот.

– А, – понимает Джанетт, – вот ты о чем!

– Уайли говорит забавные вещи. Например, мужчины сильнее женщин потому, что подсознательно занимаются селекцией и выбирают себе в партнеры тех, что послабее. Сильные женщины, следовательно, выходят из игры.

– И ты тоже занимаешься селекцией? – спрашивает Джанетт со смехом.

Херб отвечает, смеясь (именно это ей и нужно):

– Каждый раз!

И заваливает жену в гамак.

Сиес, наклонив голову, быстро подошел к Чарли.

– Ну, и чем тут занимается наш новый сотрудник? – спросил он.

– Мне очень жаль, – пробормотал Чарли, – но я не смог удержаться.

– Откопал цветы?

– Я пришел, а здесь никого не было.

К удивлению Чарли, Сиес дружески похлопал его по плечу.

– Ну и отлично! Именно это я и хотел тебе показать. Знаешь, что это за цветы?

– Конечно, – ответил Чарли, с трудом шевеля языком от смущения. – Это ноготки.

Сиес протиснулся к книге, открыл ее и записал название.

– В Ледоме такие не растут, – сказал он гордо и повернулся к машине времени.

– Никогда не знаешь, что именно она притащит, – сказал Сиес. – Конечно, в случае с тобой она преподнесла нам настоящий подарок. Шанс один на сто сорок три квадриллиона, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– То есть, ты хочешь сказать, что и на возвращение у меня точно такие же шансы?

Сиес рассмеялся.

– Не стоит падать духом! – сказал он. – Мы вернем все до миллиграмма, до атома. Сколько взяли, столько и отдадим.

Он пожал плечами.

– И долго длится весь процесс? – спросил Чарли.

– Именно это я хотел узнать от тебя. Сколько времени ты провел внутри машины, как думаешь?

– По моим ощущениям – годы.

– Вряд ли, – покачал головой Сиес. – Ты бы умер от истощения. Но здесь весь процесс занимает несколько секунд. Закрываешь дверь, поворачиваешь выключатель, открываешь дверь – и все готово!

Он осторожно взял из рук Чарли коробку с ноготками и вместе с книгой вернул их на место, после чего закрыл дверь.

– Ну, а теперь скажи мне, что ты хочешь узнать, – сказал он. – Я расскажу все, или почти все. Мне дали понять, что я не должен касаться того момента в нашей истории, когда представители рода *homo sapiens* решили все одновременно перерезать себе горло. Прости, ничего личного! С чего начнем?

– Слишком уж всего... много!

– Я тебе помогу. Важно найти сердцевину цивилизации, ее главную составляющую. Вот тебе пример. Ты можешь представить себе культуру, которая расцветает благодаря одной-единственной технической идее – скажем, идее электрического генератора?

– Ну, почему бы и нет?

– Для человека, который не знает, что такое электричество, подобная культура представлялась бы полной чудес. С помощью генератора и электромоторов вы можете тянуть и толкать, нагревать и охлаждать, открывать и закрывать, освещать и делать еще миллион важных вещей.

– Понимаю, – кивнул головой Чарли.

– И все это – различные формы движения. Понимаешь, о чем я..? Даже тепло есть иное бытие движения, его превращенная форма. Так вот, нам стала доступна сила, которая не только может делать то, что делают электромоторы, обеспечивая различные виды движения. Эта сила способна столь же эффективно работать и в сфере статики. Мы открыли эту силу в Ледоме, мы приручили ее, и она является основой всей нашей цивилизации. Мы называем эту силу А-полем. «А» означает «Аналоговое». В принципе, совсем нехитрое устройство.

Сиес покачал головой.

– Ты слышал что-либо о транзисторах?

Чарли кивнул. С Сиесом можно было говорить жестами.

– Мы имеем устройство, проще которого трудно себе представить. Маленькая пластинка особого вещества и три проводка. На один проводок поступает сигнал, с другого он сходит, усиленный в сотню раз. Не требуется ни времени на разогрев, ни особой изоляции, ни вакуума. Почти не требуется и энергии.

Сиес помедлил, дав Чарли возможность переварить информацию, и продолжил:

– А потом пришел туннельный диод, в сравнении с которым транзистор стал выглядеть слишком сложным, слишком тяжелым, громоздким и малоэффективным. К тому же соперник транзистора был технически проще и меньше. И я давно говорил, что постепенно мы придем к устройствам таким простым и эффективным, что будем черпать энергию практически из ничего. Так и случилось! Правда, теория, которая стоит за этими технологиями, настолько сложна, что понимают ее единицы.

Чарли, зная, как вести себя с профессионалами, вежливо улыбнулся. Сиес посмотрел на него и, кивнув головой, решил зайти с другой стороны.

– Хорошо, – сказал он. – Попробую обойтись без технических деталей. Что такое А-поле? Помнишь ложку, которую ты использовал за завтраком? В ее ручку встроен сверхминиатюрный генератор силового поля. Форма поля предопределена направляющими, которые изготовлены из специального сплава. Поле настолько мало, что практически невидимо даже для электронных микроскопов. А вот синяя проволока на краях сконструирована таким образом, что каждый атом в ней представляет собой полный аналог субатомарных частиц, из которых состоят направляющие. И благодаря пространственному напряжению, суть которого я в целях экономии времени не стану объяснять, внутри петли появляется аналог поля. Понятно? Такова базовая структура. Это и ложка, это и прочие объекты, которые нас здесь окружают, только последние, конечно, наделены большей мощностью. Скажем, эти окна – тоже аналоговые петли. Двух петель достаточно, чтобы удерживать все здание в том положении, в каком оно находится. А ты, может, думал, что все здесь держится исключительно на силе молитвы?

– И здание? – переспросил Чарли, после чего подумал и задал следующий вопрос:

– Я понимаю. Ложка сделана в форме петли. При известной изощренности ума в качестве таковой можно представить и окно. Но я не вижу никаких петель снаружи здания. А они ведь должны быть там, верно?

– Верно! Только глазами ты их не увидишь, хотя именно они поддерживают это здание с двух сторон. Но сделаны они не из металлического сплава. Это – электромагнитные стоячие волны. Знаешь, что это такое? Посмотри!

И Сиес показал Чарли на нечто за окном. Чарли проследил за жестом своего хозяина и увидел какие-то развалины и гигантскую плетеную конструкцию тропического фикуса-душителя.

– Это основание одной из опор, – сказал Сиес. – Или, точнее, ее внешнее окончание. А теперь вообрази модель этого здания, поддерживаемую двумя гигантскими треугольниками прозрачного пластика, и у тебя будет представление относительно формы и размеров поля.

– А что произойдет, если кто-то наткнется на поле?

– Никто пока не наткался. Там, понизу, вырезаны специальные арочные проходы. Иногда в поверхность поля ударяется какая-нибудь птица, но, как правило, они избегают столкновения. А сама поверхность абсолютно прозрачна, потому что, строго говоря, это не поверхность, а вибрирующая матрица энергии, и даже пыль на нее не садится.

– Но, – задумчиво спросил Чарли, – разве она не подается под весом того, что ей приходится держать? Я помню, ложка прогибалась под тяжестью еды. А здесь – такая громада!

– А ты наблюдательный, – удовлетворенно произнес Сиес. – Смотри: дерево – это материал, кирпич – тоже материал. И сталь – материал. В чем разница между ними? В том, как сложены их компоненты. А-поле может быть сложено так, как нам нужно. Оно может быть толстым, тонким, может быть непроницаемым. И жестким – таким жестким, как ничто в этом мире.

И Чарли подумал: «Все это работает, пока у вас есть чем оплачивать счета за электричество». Но не сказал этого, потому что в ледомском не было слов для понятий «счет за электричество» и «оплачивать».

Он посмотрел на сетчатую конструкцию фикуса и, прищурившись, попытался представить структуру поля, поддерживающую здание.

– Наверняка ее видно во время дождя, – предположил он.

– Не видно, – покачал головой Сиес. – Здесь нет дождей.

Чарли посмотрел на светлое небо, затянутое дымкой.

– Как это? – спросил он.

Сиес посмотрел вверх.

– Ты видишь внутреннюю поверхность гигантского пузыря, сформированного А-полем.

– Ты имеешь в виду...

– Да. Весь Ледом расположен под крышей. Температура, влажность – все под контролем.

А ветры дуют туда, куда им прикажут.

– И никакой ночи...

– А зачем нам ночь, если мы не спим?

Чарли где-то читал, что привычка к ночному сну была приобретена человеком в ходе эволюции: древние пещерные люди по ночам прятались в темных пещерах, чтобы избежать встречи с ночными хищниками, а способность расслабиться и впасть в забытие стали фактором выживания.

Чарли еще раз взглянул на небо.

– А что находится по ту сторону пузыря? – поинтересовался он.

– Лучше спроси об этом у Филоса, – ответил Сиес.

Чарли усмехнулся, но быстро погасил улыбку. Он заметил, что один местный специалист всегда отправляет его к другому специалисту тогда, когда они слишком близко подходят к теме конца эпохи homo sapiens.

– Объясни мне еще одну вещь, Сиес, – попросил он. – Если А-поле проницаемо для света, оно может быть проницаемо и для любого другого излучения, верно?

– Нет, – отозвался Сиес. – Я же тебе объяснил: оно может быть сложено так, как нам нужно. А мы можем сделать его, в том числе, непроницаемым для всех видов излучения.

– Вот как! – вздохнул Чарли, оторвав взгляд от купола искусственного неба.

– Про статические эффекты мы поговорили, – сказал Сиес, и Чарли оценил тактичность своего хозяина. – Теперь о динамических возможностях.

Сиес помедлил, словно собирался с мыслями, и начал:

– Я уже сказал, что А-поле способно делать то, что делает электричество, питающее электромоторы, но только в совершенно иных масштабах. Тебе нужно перенести гору? Прекрасно. Сформируй плоское поле, такое тонкое, чтобы оно проникло между молекулами, из которых состоит эта гора. Потом сделай его чуть толще, и тащи гору на этой лопате – туда, куда тебе нужно. Это – универсальный инструмент. Один человек может возводить фундаменты и стены, и тут же – переносить их и уничтожать. Причем, все это он будет делать без ваших бетонных смесей, кирпича и дерева – А-поле способно материализоваться в любое вещество, практически любой формы и состава.

И Сиес постукал пальцами по похожему на бетон материалу, из которого был сделан откос окна.

Чарли, который однажды, в своей прежней жизни, работал водителем бульдозера и был поэтому сведущ в вопросах техники, похвалил себя за то, что сдержался и не стал выражать слишком бурный восторг по поводу местных технологий. Он вспомнил, как однажды, когда работал в сухом доке и вел свой «аллис-чалмерс ХД-14» в мастерские, чтобы наварить отбитый угол лезвия, бригадир рабочих, которые что-то там копали, попросил его засыпать траншею, куда они уложили трубы. За девяносто секунд он сделал работу, которую шестьдесят рабочих делали бы неделю. С хорошим оборудованием умелый рабочий равен сотне, а то и тысяче, а то и десяткам тысяч людей, не владеющих технологиями. И Чарли вполне ясно представил себе, как три-четыре человека за неделю возвели четырехсотфутовое здание Первого медицинского центра. Никаких проблем – технологии решают все!

– И еще кое-что про динамические аспекты использования А-поля, – продолжал между тем Сиес. – Оно способно, подобно рентгеновскому излучению, контролировать рост раковых клеток и различные генетические мутации – но без побочных эффектов. Я надеюсь, ты видел новые растения?

И новых людей, подумал про себя Чарли, но вслух ничего не сказал.

– И траву? Ее же никто не косит, она просто лежит в таком состоянии и никак не меняется. С помощью А-поля мы транспортируем любые грузы на любые расстояния, производим пищу и ткани, причем потребление энергии – минимально.

– А что это за энергия?

Сиес потер кончик носа.

– Ты слышал об антивеществе? – спросил он.

– Это то же самое, что антиматерия, верно? У электрона там положительный заряд, а у ядра – отрицательный, так?

– Ты меня приятно удивил! – проговорил Сиес. – Я и не знал, что вы зашли так далеко!

– Дальше всех зашли у нас писатели-фантасты.

– Понятно. Ну, а что произойдет, если антивещество придет в контакт с обычным веществом?

– Бабах! Причем, мало никому не покажется.

– Ты прав, – кивнул Сиес. – Вся масса вещества превращается в энергию, и даже очень маленького кусочка антивещества достаточно, чтобы произвести огромные объемы энергии. Так вот: А-поле способно создавать аналог всего на свете, даже аналог антивещества. Во взаимодействии с обычным веществом оно производит энергию. Технически это выглядит так: электрическим излучателем вы конструируете аналоговое поле, и когда оно начинает производить энергию, то простейшая система обратной связи делает его самоуправляемым – оно более не нуждается во внешней поддержке и выдает энергии столько, сколько вам нужно.

– Не стану притворяться, что я все понимаю, – проговорил Чарли, – но я тебе верю.

Сиес улыбнулся, после чего заявил с притворной суровостью на физиономии:

– Ты явился сюда, чтобы обсуждать научные, а не религиозные вопросы.

И, вновь став серьезным, продолжил:

– Мы можем оставить А-поле. Главное я сказал: это вещь предельно простая и одновременно универсальная, поскольку может делать все на свете. Но есть еще вторая, тоже достаточно простая вещь, на которой, как и на А-поле, основана жизнь в Ледоме. Для этой, второй, вещи мы придумали название «церебростиль».

– Попробую догадаться, – проговорил Чарли.

Он перевел термин на английский и уже собирался сказать «новая мода в конструкции мозгов», но на ледомском это слово означало нечто иное: «стиль» был не столько модой, сколько «стилуsom», пишущим инструментом.

– Это нечто, с помощью чего можно делать записи на мозге, – произнес Чарли вслух.

– Суть ты понял, – сказал Сиес, – но не до конца. Скажем так: у церебростиля две функции. Первая – он фиксирует содержимое мозга. И вторая – он способен передавать его, фиксируя на другом мозге.

Озадаченный, Чарли застенчиво улыбнулся и спросил:

– Лучше скажи сначала, как это выглядит.

– Некая коллоидная масса в коробке. Хотя, конечно, это – излишнее упрощение. Но, так или иначе, когда это вещество подключается к мозгу, оно делает синаптическую запись той конкретной последовательности операций, которую производит мозг. Я полагаю, ты достаточно хорошо знаешь, что в процессе обучения мало просто заявить нечто, просто познакомить обучающегося с какими-то выводами. Они будут малоубедительными. Для нетренированного ума утверждение, что алкоголь и вода взаимодействуют на молекулярном уровне, может быть принято только на веру, и никак иначе. Но, если я подведу обучающегося к этому выводу тем, что совершу определенные действия, то результат будет иным. Допустим, начну с измерения количества воды и алкоголя, потом смешаю их и, вновь измерив, покажу, что объем получившейся смеси меньше, чем сумма изначальных объемов тех ингредиентов, что составили смесь. Здесь-то мои утверждения о межмолекулярном взаимодействии и начинают обретать смысл. Но я должен пойти еще дальше. Я должен быть уверен, что обучающийся знаком с понятиями «алкоголь», «вода», «измерение», «смесь», а также готов отказаться от тех представлений, которые обычно диктует «здравый смысл» – в нашем случае это представление о том, что общий объем смеси равен сумме объемов составляющих ее элементов. Иными словами, каждый вывод должен быть подкреплён логическими и содержательными последовательностями, основанными на предшествующем опыте и надежных доказательствах.

Сиес помедлил, давая Чарли время осмыслить сказанное, после чего продолжил:

– И церебростиль, скажем так, поглощает некоторые последовательности, существующие в моем сознании, и передает их, допустим, в твоё. Но передается не только вывод о некоем факте или процессе; передается вся последовательность логических и содержательных операций, которая привела к этому выводу. Причем происходит это почти мгновенно, хотя принимающему сознанию, чтобы увязать полученную информацию с предшествующим опытом, может потребоваться некое время.

– Не уверен, что у меня это получится быстро, – покачал головой Чарли.

Сиес между тем продолжал:

– Очень важно учитывать следующее обстоятельство. Кроме разнообразных данных, подтвержденных опытом, наш мозг содержит в себе множество инференциальных умозаключений, полученных чисто логическим путем, а логика и истина, должен я заметить – это совершенно разные вещи. И, скажем, тот факт, что воду и алкоголь нельзя смешать, как все прочие жидкости, может прийти в конфликт с ранее сделанными инференциями. Что одержит победу, зависит от весомости фактических данных. В конечном итоге, сознание придет к выводу, что одно из утверждений неверно. Но это произойдет лишь тогда, когда человек тщательнейшим образом проследит всю последовательность логических ходов, с самого начала до конца, и соотнесет ее с прочими последовательностями.

– Мощная обучающая программа, – вставил Чарли.

– Единственный надежный аналог эмпирического подхода, – улыбнулся Сиес, – и гораздо более эффективный в плане полноты и скорости. Хочу еще подчеркнуть – методика основана не на простом внушении. Церебростиль не может имплантировать в сознание ложные данные, сколь бы логичными они ни были, поскольку в конечном итоге сделанный вывод вступит в противоречие с известными фактами, и вся конструкция будет разрушена. Кроме того, церебростиль не является чем-то наподобие шупа, с помощью которого можно вывести чьи-либо секреты и тайные мысли. Мы смогли провести различие между динамическими, секвенциально-деятельностными потоками мыслительной активности, и статическими структурами сознания, выполняющими функцию хранения информации. Если наставник к своему заключению о молекулярной основе взаимодействия алкоголя и воды подвергает динамические последовательности, на основе которых он пришел к такому выводу, это не означает, что обучающийся тотчас же получит полные сведения о жизни наставника, а также его вкусовых предпочтениях относительно фруктов или овощей.

Сиес внимательно посмотрел на Чарли и продолжил:

– Я так подробно об этом говорю потому, что вскоре тебе предстоит общаться с людьми, и тебе необходимо знать, как они получили столь всестороннее образование. А получили они его благодаря именно церебростиллю, всего за двадцать восемь дней, причем с новой информацией они работали каждый день в течение получаса, а остальное время были заняты налаживанием связей между различными ее блоками, и это, кстати, не отвлекало их от прочих занятий.

– Я бы хотел посмотреть на это устройство, – сказал Чарли.

– Здесь его нет, но ты с ним уже знаком. Иначе как бы ты выучил наш язык всего за двенадцать минут?

– Это был тот шлем в операционной у Миелвиса?

– Именно.

Некоторое время Чарли размышлял, после чего сказал:

– Сиес! Но, если вы располагаете такими возможностями, зачем мне самому изучать Ледом перед тем, как вы отправите меня домой? Почему бы не вбить в мою голову всю необходимую информацию с помощью церебростилья? Еще двенадцать минут – и готово!

Сиес мрачно покачал головой.

– Нам важно узнать твое мнение о нашей цивилизации, – сказал он. – Твое мнение, мнение Чарли Джонса. Если ты узнаешь истину посредством церебростилья, это неплохо. Но нам нужно, чтобы ты все узнал с помощью инструмента, который называется Чарли Джонс. И нам интересны выводы, которые сделает по поводу нашего мира именно Чарли Джонс, и никто иной.

– Ты полагаешь, я не смогу поверить во все, что увижу?

– Думаю, да. Понимаешь, церебростиль действительно покажет нам реакции Чарли Джонса на истину. Но твои собственные наблюдения дадут нам возможность увидеть реакцию Чарли Джонса на то, что он *сочтет истиной*, а это разные вещи.

– Но зачем вам это нужно?

Сиес пожал плечами.

– Мы определяем собственный азимут, – сказал он. – Выверяем курс.

И, не дав Чарли оценить сказанное и задать следующий вопрос, Сиес поспешил подвести итог.

– Мы не маги и не волшебники, – сказал он. – И не удивляйся, когда ты поймешь, что мы также не являемся культурой изоощренных и разнообразных технологий. Конечно, мы многое можем. Но все, что мы делаем, мы делаем с помощью двух устройств, которые, как сообщил мне Филос, тебе были неизвестны. Это – А-поле и церебростиль. С их помощью мы решили две главные проблемы – проблему энергии, которой у нас теперь более чем достаточно, и про-

блему образования, на которое мы больше не тратим ни время, ни людские ресурсы. И это освобождает нас для другого.

– Но для чего? – спросил Чарли.

Сиес улыбнулся.

– Ты увидишь...

– Мам! – говорит Карен.

Джанетт купает свою трехлетнюю дочь в ванне.

– Что, солнышко?

– А я правда появилась из твоего животика?

– Да, солнышко!

– А вот и нет!

– Кто тебе сказал?

– Дейви говорит, это он появился из твоего животика.

Джанетт смеется.

– Да, это правда! – говорит она. – А ну-ка закрой глазки, а то мыло попадет.

– Но если Дейви появился из твоего животика, почему я не появилась из папиного?

Джанетт кусает губы, изо всех сил стараясь не рассмеяться. Она всегда так делает и, как правило, ей удается сдержаться, если только первыми не начинают смеяться дети.

– Почему, мам?

– Детки появляются только у мам, солнышко.

– А у пап никогда?

– Никогда.

Джанетт взбивает пену и смывает, взбивает и смывает – пока Карен, отмытая и розовощекая, не открывает свои голубые глаза.

– Я хочу пускать пузыри, – говорит она.

– Но, солнышко, я только что промыла твои волосы.

Умоляющий взгляд – не разрешишь, я заплачу, – заставляет Джанетт смириться.

Она улыбается и говорит:

– Хорошо, но только недолго. И не разрешай пузырям садиться на голову.

– Ладно!

Карен радостно смотрит, как Джанетт выливает в ванну порцию шампуня и включает горячую воду, которая тут же начинает интенсивно пениться. Джанетт стоит рядом – чтобы, с одной стороны, защитить волосы Карен от пены, а с другой – потому что она и сама наслаждается процессом.

– Так что ж, – говорит Карен, – тогда папы нам не нужны.

– Ну как не нужны! – не соглашается Джанетт. – А кто будет ходить на работу, приносить леденцы, газонокосилки и все остальное?

– Я не про то. Я имею в виду детей. У пап не бывает детей.

– Ты не права, солнышко. Они нам здорово помогают.

– Но как, мам?

– Уже очень много пены, солнышко. И вода слишком горячая.

Джанетт перекрывает воду.

– Так как, мам?

– Видишь ли, солнышко, тебе это пока трудно понять, но дело в том, что папочка любит мамочку. Любит по-особому. И когда он это делает, то у нее и получается ребеночек.

Пока Джанетт это говорит, Карен находит небольшой обмылок и пытается вставить себе туда, куда мыло вставлять не стоит. Джанетт тянется к ней, хватая за ручку и шлепает.

– Карен! – говорит она строго. – Нельзя там трогать! Это нехорошо!

– Ну что ж, ты начинаешь в этом разбираться, – сказал Филос.

Он встретил Чарли у основания невидимого лифта, появившись внезапно – словно случайно проходил мимо. Его глаза светились от некоего тайного внутреннего удовольствия. А может быть, это было не удовольствие, а удовлетворенность собственной осведомленностью. А может, и печаль.

– Просто ужасно, как Сиес отвечает на мои вопросы, – сказал Чарли. – Всегда остается ощущение, что он что-то скрывает.

Филос рассмеялся. Чарли уже успел заметить, что у него очень приятный смех.

– Мне кажется, – сказал ледодец, – что ты уже готов для главного блюда в нашем меню. Первый детский центр – вот как оно называется.

Чарли посмотрел на здание Первого медицинского, потом – Первого научного.

– А это что, не главные?

– Нет, – отозвался Филос. – Они – лишь оболочка, рамка, техническое обеспечение. Знакомость их не так уж и велика. Первый детский – это суть нашей сути, самое замечательное, самое большое, что у нас есть.

Чарли окинул взглядом громаду здания, висящего над ним, и вопросительно посмотрел на Филоса.

– Должно быть, это достаточно далеко, верно?

– Почему ты так решил?

– Ну, если он больше, чем эти здания, а его не видно, значит, он далеко за горизонтом, так?

– Ты увидишь его и отсюда, – улыбнулся Филос. – Вот он.

И ледодец показал на небольшой коттедж, спрятавшийся в складках холма, покрытых безупречно ухоженным газоном; по его невысоким белым стенам вился огненно-красный плющ, на окнах стояли ящики с цветами, а на углу белая стена уступала место внушительной конструкции из больших валунов, оказавшейся трубой, из которой изящно струился голубой дымок.

– Не возражаешь, если мы чуть пройдемся? – спросил Филос.

Чарли вдохнул свежий теплый воздух, ощутил, как упруго прогибается под его подошвами трава, и ответил:

– Конечно не возражаю.

И они отправились к коттеджу, но не напрямиком, а петляя, по склонам покатых холмов.

– И что там? – спросил Чарли.

– Увидишь, – ответил Филос, похоже, томимый радостным ожиданием.

– У тебя были дети? – спросил он.

– Нет, – ответил Чарли, немедленно подумав о Лоре.

– А если бы были, ты бы их любил?

– Думаю, любил бы, – отозвался Чарли.

– И почему? – спросил Филос, после чего остановился, взял Чарли за руку и, развернув его к себе, серьезно посмотрел в глаза.

– Не торопись отвечать, – сказал он. – Подумай.

Озадаченный, Чарли не смог найти в качестве ответа ничего, кроме:

– ...хорошо.

Филос кивнул, и они пошли дальше. По мере приближения к коттеджу Филос проявлял все большее нетерпение, и Чарли даже показалось, что от него исходит некая энергия... Чарли вспомнил виденный когда-то давно документальный фильм, фильм о путешествии. Камера была установлена на самолете, который летел на небольшой высоте над полями и домами, дорогами и рощами, и земля быстро уносилась прочь, но ничего не происходило; и ничто не предвещало, что должно произойти нечто значительное, и, казалось, что скучный ландшафт будет

вечно, с назойливой монотонностью, лететь куда-то назад, в прошлое – если бы не музыка. Музыка, полная напряженного ожидания, готовила зрителя к последнему взрыву цвета и форм, и сама взорвалась мощным tutti всех инструментов, когда самолет вдруг вылетел в безмерное пространство Большого Каньона, в лоне которого теснилась река Колорадо.

– Смотри! – тронул Чарли за руку Филос.

Чарли посмотрел и увидел юного ледомца в желтой шелковой тунике, который, прислонившись к скале, стоял у них на пути. Когда Чарли и Филос приблизились к юноше, произошло то, чего Чарли никак не ожидал: обычно, когда люди, даже незнакомые, встречаются, происходит некое взаимодействие – обмен взглядами, улыбки... Здесь же не произошло ничего. Молодой ледомец стоял, опершись спиной о скалу, на одной ноге, согнув вторую и ухватившись ладонями за внутреннюю сторону бедра. На изящно очерченном лице застыло отрешенное выражение, а полуприкрытые глаза смотрели в никуда.

– Что с ним? – тихо спросил Чарли.

– Тихо! – прошептал Филос.

Как можно более осторожно они прошли мимо молодого человека в тунике. Филос, поравнявшись с юношей, помахал ладонью перед его лицом – никакой реакции.

Они пошли дальше, причем Чарли поминутно оборачивался, чтобы взглянуть на странного молодого человека, но тот так ни разу и не пошевелился – только края его туники легко колыхались на ветерке. Наконец, впавшая в транс фигура скрылась за поворотом, и Чарли сказал:

– Помнится, ты говорил, что ледомцы не спят. То есть вообще не спят, никогда!

– А это был не сон.

– Но что же тогда? Он что, болен?

– Нет, – покачал головой Филос. – И я рад, что ты увидел этого юношу в таком состоянии. Время от времени тебе придется сталкиваться с подобным. Он просто остановился – вот и все!

– Но что с ним?

– Абсолютно ничего! Назови это... перерывом, паузой. Кстати, такие вещи достаточно обычны и в твои времена. Американские индейцы с Больших равнин делали то же самое, равно как и кочевники с Атласских гор. Это – не сон. Но кое-что общее со сном здесь есть. Ты когда-нибудь изучал этот предмет?

– Ну, я бы не назвал это изучением!

– А я изучал, – произнес Филос. – Самое интересное здесь вот что: когда ты спишь, ты видишь сны. Иными словами, галлюцинируешь. Когда спишь регулярно, ты регулярно и галлюцинируешь, хотя сон здесь – лишь удобная оболочка, а галлюцинации можно переживать и вне сна.

– Мы называем это грезами.

– Как бы ты это ни называл, это универсальная способность человеческого мозга, а может быть, и не только человеческого. Интересно то, что, если лишить сознание способности галлюцинировать: например, если будить человека всякий раз, когда он погружается в грезы, то мозг не выдерживает.

– Ломается, что ли?

– Что-то вроде того, – ответил Филос.

– То есть, если бы ты разбудил этого ледомца в желтой тунике, он сошел бы с ума? – спросил Чарли. И, помолчав, поинтересовался: – Вы что, тут все такие хрупкие? Пальцем не тронь?

Филос рассмеялся – грубость Чарли (естественная реакция на нечто нелепое) его позабавила.

– Нет! – сказал он. – Я говорил о гипотетической, чисто лабораторной ситуации. В обычной жизни никто не станет прерывать чей-либо сон настойчиво и регулярно. И, уверяю тебя,

этот молодой человек нас видел, осознавал наше присутствие. То есть у него был выбор, но он предпочел сосредоточиться на том, что происходило в его голове. Если бы я был более настойчив или, скажем, если бы его отвлек от его видений твой голос...

Это было сказано мягко, но Чарли понял – он говорит не так, как другие; его голос звучал как фагот среди флейт.

– ...если бы твой голос, – продолжал Филос, – отвлек его от его видений, он бы заговорил с нами, простил бы нас за то, что мы вторглись в его грезы, попрощался бы с нами.

– Но зачем это нужно? Какова цель?

– Зачем? – переспросил Филос. – Это механизм, с помощью которого сознание отключается от реальности и начинает связывать данные, которые в действительности связанными быть не могут. Кстати, ваша художественная литература изрядно насыщена галлюцинаторными образами: свиньи с крыльями, человеческая свобода, огнедышащие драконы, мудрость большинства, василиск, голем, равенство полов.

– Послушай-ка! – воскликнул Чарли сердито, и тут же осекся – растормошить Филоса грубостью и злостью нельзя, он это чувствовал, а потому сказал, сдерживая себя:

– Ты играешь со мной. Это игра. Причем ты правила знаешь, а я – нет.

Обезоруживающе улыбнувшись, Филос заставил Чарли замолчать, после чего сказал извиняющимся, мягким тоном:

– Ты просто познакомишься с Ледомом, а я тебя сопровождаю. Серьезно я буду с тобой говорить после того, как ты все увидишь.

– Seriously?

– Да. Я буду говорить с тобой об истории. Потому что Ледом современный – это одно, а Ледом плюс история – нечто совершенно другое.

– Продолжай.

– А если учесть и историю твоего вида, нарисуеться третья картинка, – заявил Филос. – Но об этом я пока умолчу, чтобы лишний раз не извиняться.

Чарли неожиданно для себя рассмеялся, и они пошли дальше.

За несколько сотен ярдов до коттеджа Филос резко свернул направо, и по весьма крутому склону они поднялись на вершину холма. Филос, который шел впереди, остановился и жестом подозвал Чарли.

– Давай понаблюдаем за ними отсюда, – сказал он.

Чарли повернулся к коттеджу. Оказалось, что тот стоит на краю обширной долины, частично заросшей лесом (впрочем, это мог быть и искусственно посаженный сад – в Ледоме невозможно найти ни одной прямой линии), а частично покрытой полями сельхозкультур. Вся местность напоминала парк – точно такой же, что окружал большие здания. Дальше, в глубине долины, виднелись еще коттеджи, стоящие на почтительном, до полумили, друг от друга расстоянии. Каждый коттедж имел свой собственный, неповторимый облик – это касалось использованного при строительстве дерева, камня, штукатурки, даже дерна, которым были выложены дворики. Всего Чарли насчитал до двадцати пяти коттеджей, хотя их могло быть и больше. Подобные лепесткам экзотических цветов, в лесах и полях, окружавших коттеджи, а также на границах долины и вдоль пронизывающих ее двух небольших речек виднелись яркие одеяния местных жителей. И над всем нависал, словно купол, серебристый небосклон, который опускался за холмами – естественными границами долины, похожей на широкое блюдо.

– Вот он, Первый детский, – сказал Филос.

Чарли заглянул за покрытую соломой крышу первого коттеджа, осмотрел двор, а также расположенный перед домом бассейн. Потом до него донеслось пение, и он увидел детей.

Мистер и миссис Рейли ходят среди рядов детской одежды в западном крыле огромного придорожного супермаркета. Детей они оставили на улице, в машине. Сегодня жарко, и роди-

тели торопятся. Херб толкает перед собой тележку, Джанетт перебирает висящие на вешалках детские вещи.

– Смотри-ка! – дергает она Херба за рукав, – какие милые маечки! И качество – что надо! Она берет три для Дейви, пятого размера, и три для Карен, размер третий.

– Теперь штанишки, – говорит Джанетт.

Она быстро идет вдоль рядов, Херб тащится за ней в кильватере. Передвигаясь, он подсознательно следует международным правилам мореходства: судно, приближающееся справа, имеет право первым пройти точку пересечения курсов; судно, делающее разворот, это право теряет. Херб следует этим правилам, в силу чего вынужден дважды тормозить на поворотах, а потом спешно догонять Джанетт. Колеса тележки попискивают, когда же он бежит, они начинают подвывать. Джанетт целенаправленно движется вперед, проходит три ряда, дважды поворачивает и наконец застывает как вкопанная. Херб, несколько запыхавшийся, присоединяется к жене. Колеса тележки тяжело вздыхают и замолкают.

– И где эти чертовы штанишки? – громко вопрошает Джанетт.

Херб протягивает руку:

– Вон там! Видишь указатель? Написано: «Брюки мужские и детские».

Оказывается, они проскочили нужный поворот. Джанетт резко разворачивается и устремляется назад, Херб, издавая колесами тележки жалобный писк и вой, пускается следом.

– Вельвет – слишком жарко, – говорит Джанетт. – У Грэмов детки все в хлопке. Ты знаешь, Луи Грэм так и не получил повышения.

Джанетт произносит все это на одном дыхании, словно молитву какую, одновременно передавая Хербу детские штанишки.

– Хаки. Пятый размер.

Херб принимает две пары.

– Третий.

И еще пара детских штанишек отправляется в тележку. Джанетт бросается прочь, тележка со скрипом и визгом колес устремляется за ней, сзади тележки, толкая ее и отдуваясь, семенит Херб. Джанетт дважды поворачивает налево, пробегает три ряда и останавливается.

– Где здесь детские сандалии? – почти кричит она.

– Вон там! – с трудом переводя дыхание, произносит Херб, указывая на вывеску.

Джанетт, вновь набрав скорость, летит туда и, к моменту, когда муж успевает поравняться с ней, она уже подхватывает две пары красных сандалий с бело-желтой каучуковой подошвой и отправляет их в тележку.

– Притормози! – булькающим голосом произносит Херб, с трудом сдерживая смех.

– Что такое? – оборачивается к нему жена.

– Что теперь..?

– Купальники и плавки.

– Лучше сначала посмотри, где вывеска, а потом уже беги.

– Не нуди, дорогуша! – парирует Джанетт.

Херб совершает замысловатый маневр, который позволяет ему хотя бы некоторое время двигаться бок о бок с женой – так она хоть может его услышать за визгом и скрипом тележки.

– Разница между мужчиной и женщиной, – говорит он, – состоит в том, что...

– Доллар девяносто семь центов, – произносит она.

– ...мужчины читают инструкции, а женщины – нет. Я думаю, это от высокомерия, которым от природы наделен слабый пол. Представь себе: какой-нибудь гениальный разработчик упаковки мечтает создать коробку, которую можно открыть, слегка дернув за шнурок, закрепленный под верхней крышкой...

– Купальники...

– ...девять инженеров денно и нощно ломают головы, чтобы создать для этого умную машину, шестнадцать торговых агентов ищут по всей стране подходящие материалы, двадцать три водителя везут для этих целей семьдесят тысяч тонн упаковочного картона и шнура, а женщина приходит на кухню и вспарывает коробку ножом для бекона.

– А вот и плавки, – произносит Джанетт. – Что ты там говорил, дорогой?

– Ничего, лапушка.

Джанетт торопливо просматривает содержимое корзины, на которой обозначен нужный размер.

– А вот и они, – говорит она.

Она держит в руках пару плавок цвета морской волны с красным поясом.

– Выглядят как подгузник, – говорит Херб.

– Тянутся, – отзывается Джанетт.

Херб не проверяет. Он роется в корзине с третьим размером и вытаскивает похожие плавки, но размером со свою ладонь.

– Берем эти. И бежим, пока дети там не зажарились.

– Херб! Ты что, идиот? – почти кричит Джанетт. – Это же плавки для мальчика.

– Карен они отлично подойдут.

– Но Херб! Они же без верха!

Джанетт продолжает рыться в корзине.

– Но зачем Карен верх? – не понимает Херб. – Ей же всего три года!

– А вот то, что нужно! – говорит Джанетт, не обращая внимания на слова мужа и доставая из корзины купальник с верхом.

Потом бросает его назад со словами:

– О господи! Один в один как у Долли Грэм.

– Да ну! – произносит Херб. – Думаешь, что кого-то из наших соседей возбудят сиськи трехлетней красотки?

– Херб! Не говори пошлостей! Это все-таки твоя дочь.

– Все это отдает идиотизмом!

– Нашла! – торжествующе провозглашает Джанетт.

Она расправляет свою находку и довольно хихикает.

– Чудесно! Просто чудесно!

Джанетт швыряет свою находку в тележку, и они, скрипя и повизгивая на поворотах, мчатся к кассе, увозя шесть маек, четверо штанишек цвета хаки, две пары красных сандалий с бело-желтыми подошвами, плавки для мальчика и совершенно замечательный купальник бикини третьего размера – для маленькой девочки.

Дети, числом чуть более дюжины, играли вокруг бассейна и одновременно пели. Чарли никогда не сталкивался с подобной манерой пения. Нет, бывало, что он слышал кое-что и похуже, и получше; но здесь было что-то совершенно уникальное, отличное от всего, что он мог себе представить. Начиналось все с мягкого аккорда, подобного тем, что на верхних тонах дает орган, и с разворачиванием гармонической последовательности этот аккорд замедлялся и перетекал в другой, созвучный аккорд. Иногда подобные музыкальные изыски используются, чтобы создать и поддержать одну постоянную ноту как часть двух или трех аккордов, подвергающихся модуляции. И дети, некоторые из которых были подростками, а некоторые – совсем крохами, пели именно в такой манере. Самое же замечательное в этом хоре было то, что из примерно пятнадцати голосов, которые участвовали в пении, в конкретном аккорде задействованы были не более четырех или пяти. Аккорд взлетал над группой поющих, переносился через копошащиеся смуглые тела на другую сторону бассейна, затем распространялся по всей площадке так, что альты звучали слева, а сопрано – справа. Аккорды были ощутимы почти зрительно –

они сгущались, затем вновь становились прозрачными и легкими, парили и прыгали над площадкой, меняя оттенки в гармоничной последовательности тонов, при этом тоника поддерживалась двумя голосами, поющими в унисон, а фоновое звучание превращалось в доминанту; один голос опускался на седьмую ступень, другой поднимался на полтона, и аккорд становился минорным, после чего пятая, шестая, девятая ступени преодолевали диссонанс, и аккорд становился тоническим, но в другой тональности – легким, полнозвучным и ярким.

В большинстве своем дети были не одеты. Изящные руки и ноги, ясные глаза, стройные крепкие тела – так они выглядели внешне, причем, на неподготовленный взгляд Чарли, все они были девочки. И, если музыка их и занимала, то не очень – они играли, плескались в бассейне, бегали, строили что-то из песка, палочек и разноцветных кирпичей; трое играли в мяч. Дети общались на своем воркующем языке. Они звали друг друга, визжали, когда все бежали за одним, и тот едва ускользал от ловивших его рук, плакали, если кто-то падал и ушибался (и тогда его подхватывали другие, и целовали, и успокаивали, совали в руки игрушки, и начинали щекотать, пока упавший не принимался смеяться со всеми остальными).

Но над всей этой обычной детской суетой висели аккорды – иногда из трех нот, иногда из четырех или пяти; они следовали один за другим, перемежаемые паузами, необходимыми для того, чтобы певцы могли набрать воздуха, они прерывались вопросами и ответами, взлетали над бассейном и ныряли в него. Нечто подобное Чарли уже слышал – в центральном вестибюле Первого медицинского центра; но там это звучало не так легко и свободно, как здесь, в Первом детском. И вообще везде, где бы ни собиралась группа ледомцев, тотчас же начинала звучать музыка, которая висела над Ледомом, как висит порожденный дыханием туман над стадами лапландских оленей.

– В чем смысл этого совместного пения? – спросил Чарли.

– Они все делают вместе, – ответил Филос. – А когда собираются группой, то поют. Пение делает их единым целым, они чувствуют и понимают все, что с ними происходит, даже не задумываясь. Они любят совместное пение – как свет и тепло, окутывающие их тела. Они меняют движение музыкальной фразы исключительно из любви к переменам – так человек, выйдя из холодной как лед воды, направляется к горячим камням, чтобы насладиться разницей температур. Они берут мелодии из воздуха, который их окружает, и воздуху же возвращают. А теперь я хочу кое-что тебе показать.

Мягко, но четко, Филос пропел три ноты – «до», «соль», «ми»...

И вдруг, словно пропеты Филосом ноты были мячами, трое из детей подхватили их – по ноте на ребенка, и ноты сложились в арпеджио, после чего стали аккордом, и вновь – арпеджио, а потом один из малышей, по пояс стоящий в воде, взял другой звук, и арпеджио изменилось на «до», «фа», «ми», а потом стало «ре», «фа», «ми», и вдруг – «фа», «до», «ля», и изменения нарастали, добавились модуляции и инверсии, с секстами и септимами, но вместо требуемой тоники разрешались в минорный аккорд. Под конец арпеджио, отзвучав, уступило место полнозвучному аккорду.

– Это просто... прекрасно, – прошептал Чарли, попытавшись найти соответствующее слово и разочарованный тем, что оно так и не нашлось.

– А вот и Гросид! – радостно провозгласил Филос.

Гросид, чье алое одеяние поддерживалось лентой и летело как будто отдельно от своего владельца, хотя и параллельно его курсу, вышел из коттеджа. Он повернулся и, увидев Филоса и Чарли, помахал им приветливо и пропел три ноты – те самые, что с минуту назад пропел Филос (и ноты были тотчас же подхвачены, развиты и смодулированы играющими детьми). Гросид засмеялся.

Филос обернулся к Чарли.

– Он говорит, что понял, кто пришел, по нотам, которые я пропел.

И, обратившись к Гросиду, крикнул:

– Гросид! Можно нам к тебе?

Тот радостно помахал им, и они принялись спускаться по крутому склону. Подхватив ребенка и посадив его на плечи, Гросид направился навстречу. Ребенок радостно вопил, играя складками одеяния своего педагога.

– Привет, Филос! Ты привел Чарли Джонса! Как я рад нашей встрече!

К удивлению Чарли, Филос и Гросид обменялись поцелуями. Когда Гросид подошел к нему, Чарли торопливо протянул руку, и педагог, мгновенно сообразив, что к чему, пожал ее и тут же отпустил.

– А это – Ано! – произнес Гросид, пощекотав щеку ребенка своими волосами. Малыш засмеялся, спрятал лицо в густой шевелюре наставника, после чего хитрым глазом уставился на Чарли. Чарли рассмеялся в ответ.

Все вместе они отправились в дом. Что там ожидал увидеть Чарли? Раздвижные переборки? Систему скрытого освещения? Антигравитационные чайные подносы? Самозамораживающуюся еду? Автоматические полы?

Ничего подобного в доме не оказалось.

Комната, в которую они вошли, была почти прямоугольной, и Чарли облегченно вздохнул – тоска по прямым линиям, которую он начинал испытывать, нуждалась в чем-то именно таком. Потолок, перерезанный стропилами, был достаточно низким. В комнате царил прохлада, но не от кондиционера с его бесстрастным антисептическим дыханием; прохлада обеспечивалась затененные диким виноградом окна, низкий потолок, толстые стены и естественный холод самой земли. Из мебели, помимо низенького стола, в комнате находились четыре кресла – одно, сделанное из вручную отполированного дерева, и три – из целых или распиленных стволов, укрепленных и украшенных изогнутыми в форме лиан рейками и спицами. Каменный пол был отполирован, натерт глянцевой пурпурной мастикой и укрыт большим ковром ручной работы. На столе стояло огромное деревянное блюдо, вырезанное из единого куска какого-то гигантского дерева, а также изящный, хотя и потертый набор для напитков – кувшин и штук семь-восемь глиняных кружек. Блюдо было заполнено салатом из фруктов, орехов и овощей, уложенных в форме звезды.

На стенах висели картины, написанные в спокойных, вполне земных тонах: зеленый, коричневый, оранжевый, цвета перемежались с красным, оттененным желтизной, или голубым с красными вкраплениями – изображены здесь были преимущественно цветы и спелые фрукты. Большинство картин были вполне реалистичными, хотя были среди них и абстрактные полотна, и импрессионистские. Одна картина особо привлекала внимание – на ней были изображены два ледомца, причем точка обзора была расположена достаточно высоко, и на дальнюю фигуру можно было смотреть как бы из-за плеча фигуры ближней. Тот, что был изображен на заднем плане, полулежал и, очевидно, страдал от боли, и вся композиция была странным образом размыта, словно зритель смотрел на изображение сквозь горькие слезы.

– Очень рад, что вы пришли!

Рядом с Чарли оказался другой наставник живущих в Первом детском центре детей, Назив. Он широко, дружески улыбался. Чарли оторвался от картины, в которую углубился, и пожал руку ледомца, одетого в точно такой же наряд, как и у Гросида.

– И я рад, – сказал он. – Мне здесь нравится.

– Я на это надеялся, – проговорил Назив. – Наверное, то, что ты здесь видишь, не слишком отличается от того, к чему ты привык, верно?

Чарли мог бы ограничиться кратким кивком, но с этими людьми он не хотел быть неискренним.

– Увы, – ответил он. – Отличается, и сильно. Хотя кое-что и у нас есть, впрочем, совсем немного.

– Давайте сядем, – предложил Назив. – Перекусим, чтоб зарядиться энергией. Впрочем, усердствовать не станем – позже нас ждет настоящий пир.

Гросид наполнил салатом простые глиняные тарелки и передал их по кругу, Назив же налил в кружки некий золотистый напиток. Терпкий на вкус, напиток напоминал мед, был прохладным, но не холодным, оставлял приятное послевкусие и слегка кружил голову. Салат был изумителен. Орудуя гладко отполированной деревянной вилкой с тремя зубцами, двумя короткими и длинным центральным, Чарли наслаждался, а потом с трудом сдержал себя, чтобы не потребовать добавки.

За столом шел общий разговор. Чарли говорил немного; его же собеседники поднимали темы, которые могли его заинтересовать или, во всяком случае, в обсуждении которых он мог участвовать. Если они говорили о вещах, малознакомых гостю, то очень коротко, чтобы надолго не выключать его из общей беседы. Фредон нашел на склоне холма долгоносиков. А ты видел новый тип инкрустации, который разработал Дрегг? Дерево в керамике и, похоже, он подвергает их воздействию огня уже после соединения! А Нария хотел применить методику биостатической обработки к новым волокнам, полученным из молочая. Глупыш Эриу повредил ножку...

И все это время вокруг сновали дети, чудесным образом не вмешиваясь в беседы взрослых, появляясь то с одного края стола, то с другого, получая от наставников – кто орех, а кто персик или апельсин. А иногда, едва слышно дыша, кто-нибудь из детей задавал взрослому вопрос:

– Илью говорит, будто стрекоза принадлежит к семейству пауков. Это так?

– Нет, конечно! Арахниды не имеют крыльев.

Шелест желтой туники, перехваченной пурпурной лентой, – и ребенок исчезал, а на его месте оказывалось маленькое и в высшей степени кокетливое создание, абсолютно голенькое, которое произносило тоненьким голоском:

– Гросид! Какое у тебя забавное лицо!

– У тебя тоже!

И, смеясь, малявка убегала.

Чарли, который старался есть не торопясь, наблюдал за Називом; тот, устроившись на подушках, доставал занозу из своей ладони, орудуя чем-то острым, похожим на иглу. Рука его, одновременно изящная и сильная, поразила Чарли своими мозолями – такие Чарли видел лишь у грузчиков в порту. Как совместить эти мозоли с изящными одеждами, которые с таким вкусом и даже шиком носит Назив? И, похлопав по ручке кресла, Чарли спросил:

– А мебель вы сами мастерите?

– Да, – весело отозвался Назив. – Кресла и стол сделал я, а посуду – Гросид. Дети нам помогали. Тебе нравится?

– Очень! – отозвался Чарли. Внутренняя поверхность чашки была светло-коричневой, почти золотой.

– Это лак на обожженной глине? – спросил он. – Или в качестве печи вы используете А-поле?

– Ни то, ни другое, – ответил Назив. – Хочешь, я покажу, как это делается? Или...

Он посмотрел на пустую тарелку, стоящую перед Чарли, и спросил:

– Еще салата?

С сожалением Чарли отодвинул тарелку.

– Нет, спасибо! Я хотел бы понаблюдать за процессом.

Они поднялись из-за стола и отправились к двери в глубине комнаты. Какой-то маленький озорник, спрятавшийся в занавесах, прикрывавших выход, бросился на Назива; тот, не останавливаясь, подхватил его, визжащего от удовольствия, перевернул в воздухе, шутя стук-

нул слегка головой о пол, вновь перевернул и, поставив на ноги, проводил мягким шлепком. После чего, широко улыбаясь, провел Чарли через дверь.

– Вижу, ты любишь детей, – сказал Чарли.

– Они божественны!

И вновь Чарли заблудился в нюансах местного наречия. Была ли это просто эмоциональная оценка маленьких ледомцев, живущих в этом коттедже и коттеджах поблизости, или же это была характеристика их статуса – божественного – в глазах Назива и, вероятно, всего Ледома. Ребенок как божество – это серьезно!

Комната, в которой они оказались, была и повыше, и пошире, и вообще значительно отличалась от уютного жилого помещения, которое Чарли только что покинул. Это была мастерская, настоящая мастерская! Кирпичный пол, нешлифованные шпунтованные панели; на деревянных колышках, вбитых в стены, висят основные инструменты плотника и столяра – молотки, клинья, тесла, струги, скобели, шила разных размеров, топоры – большие и малые, угольники, циркули и уровни, а также связки реек. Вдоль стен стоят на полу более сложные, механизированные инструменты, но они были также ручного изготовления и, что самое интересное, оказались деревянными. Настольная сабельная пила, например, приводилась в движение педалями, спрятанными под массивной деревянной станиной, и с помощью кривошипного механизма и системы веревочных шкивов могла совершать достаточно сложные операции. К пиле, соединенная шарниром с деревянной пружиной, присоединялась рама, регулировавшая шаг пилы. Рядом стоял токарный станок с огромным керамическим маховиком, весившим не меньше пятисот фунтов, и хитроумной системой шкивов для быстрого закрепления обрабатываемого изделия.

Но то, ради чего Назив привел Чарли в мастерскую, стояло в углу. Это была печь для обжига – кирпичная конструкция с трубой и массивной металлической дверью, стоящей на кирпичных столбах. Под печью располагалась выдвижная топка на роликах.

– Здесь у нас еще и горн, – проговорил Назив и, мощным движением руки подняв крышку топки, показал кузнечные мехи с педалью. Мехи заканчивались сдутой кожаной емкостью. Назив стал энергично давить на педали, и емкость, до этого плоская и морщинистая, расправилась и стала раздуваться, увеличиваясь в размерах.

– Идею мне подсказал один из наших воспитанников, – сказал Назив, – который учился играть на волынке.

Лицо его озарила улыбка. Он убрал ногу с педали и потянул за рычаг. Чарли услышал, как воздух со свистом проходит через решетки горна. Назив потянул сильнее, и воздух в горне сипло взревел.

– Все полностью под контролем, и, чтобы следить за огнем, тебе не нужны взрослые. Любой ребенок, даже самый маленький, может управлять горном, и это им страшно нравится.

– Замечательное устройство, – совершенно искренне произнес Чарли. – Правда, есть и более простой способ.

– Конечно есть, – согласился Назив, хотя и не стал уточнять у Чарли, в чем он состоит.

Чарли восхищенно осматривал внутреннее пространство мастерской и аккуратные штабеля древесины, которую, вероятнее всего, распилили именно здесь, а также массивные крепления деревянных машин.

– Смотри! – привлек его внимание Назив.

Он опустил рычаг, который удерживал зажимной патрон передней бабки станка, и мягким движением поднял ее, закрепив основание в специально вырезанных пазах.

– Ничего себе! – воскликнул Чарли. – Так теперь это сверлильный станок!

Потом он показал на маховик.

– Это ведь керамика, так? Как вам удалось обжечь штуковину такого размера?

Назив кивнул в сторону печи.

– Пришлось повозиться, – сказал он. – Убрали все лишнее и устроили вечеринку с танцами.

– Танцевали на педалях? – рассмеялся Чарли.

– И там тоже. Но ты хотел знать, почему маховик керамический, верно? Он массивный, но идеально обработать его, чтобы ровно вращался, проще, чем если бы он был из камня.

– Понимаю, – кивнул Чарли, глядя на маховик, но думая совершенно о другом – о невидимых лифтах, о машине времени, о крошечном устройстве, которое, как ему говорили, способно откусывать огромные куски от холмов и перемещать их куда угодно. Ему пришла в голову идея – а вдруг люди, обитающие здесь, и не подозревают о технических чудесах, которыми пользуются люди, живущие возле Первого научного и Первого медицинского? Но он отмахнулся от этой мысли – ведь впервые он увидел Гросида и Назива именно в Первом медицинском. А может быть, людям, которые работают с детьми, просто не позволяют пользоваться плодами современных технологий, и они должны вручную обрабатывать свои поля, зарабатывая мозоли, пока Сиес и Миелвис одним мановением руки извлекают свежие фрукты из отверстий в стене у изголовья своих кроватей?

Дискриминация, однако!

– Да, впечатляет!

– Что? – переспросил Назив.

– Размеры. И то, как его удалось обжечь.

– Это не предел, – улыбнулся Назив. – Идем, покажу кое-что еще.

Он подвел Чарли к двери в задней стене, и они вышли в сад. Пятеро или шестеро детей возились в траве, а один забрался на дерево. Увидев Назива, они восторженно заверещали и бросились к нему. Не прерывая разговора, Назив подхватывал детишек одного за другим, переворачивал в воздухе, подбрасывал, подмигивал им и щекотал.

Чарли же, остановившись, ошеломленный, рассматривал то, что открылось перед ним.

Это была скульптурная группа.

Можно ли назвать эту статую «Мадонна с младенцем»?

Взрослая фигура, окутанная изящными складками ткани, коленопреклоненная, обратила свой взгляд в небеса. Ребенок стоял и тоже смотрел вверх, а на лице его застыло отрешенное, почти экстатическое выражение – словно он воочию видел духовную сущность мира. Одежд на нем не было, но оттенки кожи были переданы с величайшим искусством – как и цвет тканей на взрослой фигуре.

В этой скульптурной группе Чарли поразили две вещи. Во-первых, фигура взрослого не превышала размерами трех футов, а фигура ребенка была не меньше одиннадцати. Во-вторых, вся эта сложная композиция представляла собой единый, безупречно вылепленный и обожженный кусок глазурованной терракоты.

Чарли пришлось попросить Назива повторить то, что тот говорил по поводу печей, поскольку его переполняло чувство удивления, вызванное этим прекрасным произведением искусства, его тонкой отделкой, и, в еще большей степени, символикой. Маленькая фигурка взрослого, который благоговейно склонился перед ребенком, и, собственно, сама фигура ребенка, который также переживал восторг от контакта с тем... с тем, кто, очевидно, смотрел на эту скульптурную композицию сверху, с небосклона, а может быть, и с более высокой точки.

– Увы, я не смогу показать тебе печь, где мы это обжигали, – сказал Назив.

Чарли, все еще находящийся под впечатлением от этой замечательной работы, предположил, что скульптура была вылеплена и обожжена частями, которые впоследствии были соединены. Но нет, глазурь была безупречна, и ничто не говорило о склейке или иных способах монтажа. Даже основание скульптуры – море глазурованных терракотовых цветов, представляло собой единое целое со всей композицией.

Значит, здесь они все-таки не обошлись без волшебного А-поля!

– Никоим образом! – возразил Назив. – Скульптура была изготовлена и обожжена именно здесь, где она и стоит. Вылепили ее мы с Гросидом – кроме цветов. Цветы делали дети – человек двести; причем делали тщательно, чтобы огонь не разрушил эту красоту.

– Понимаю! А печь вы уже потом выстроили вокруг скульптуры, так? – спросил Чарли.

– Мы построили три печи. Одну – чтобы высушить скульптуру. Мы ее потом разобрали, чтобы наложить краски. Вторую печь мы построили, чтобы высушить краски, и третью – для окончательной обработки.

– А кирпичи выбросили?

– Нет! Кирпичи мы использовали для пола в мастерской. Но даже если бы мы их и выбросили, овчинка стоила выделки.

– Ну еще бы... Скажи, Назив, а что означает эта скульптура?

– Она называется «Создатель», – ответил Назив (на ледомском это, кроме всего, означало «деятель» и «творец» – в смысле «художник»).

Взрослый, поклоняющийся ребенку. Ребенок, поклоняющийся... Кому? «Создателю»?

– Родитель создает ребенка, – сказал Назив. – Ребенок создает родителя.

– Ребенок... что? – недоуменно спросил Чарли.

Назив засмеялся – но не «над Чарли», а просто и естественно, в силу своей природной жизнерадостности.

– Послушай! – сказал он Чарли. – Кто же способен стать родителем, не произведя на свет ребенка?

Чарли засмеялся в унисон с Називом, но, когда они уходили, он посмотрел через плечо на скульптурную группу и понял – Назив имел в виду гораздо больше того, что сказал. И сам Назив знал это, понимая, что чувствует Чарли, потому что коснулся локтя гостя и произнес:

– Идем! Я думаю, позже ты все поймешь.

Но в глазах Чарли все еще стояла эта сияющая фигура. Когда, сопровождаемый Називом, он шел по мастерской к выходу, то спросил себя – почему же ребенок превосходит взрослого своими размерами?

...Он понял, что задал этот вопрос вслух, потому что, когда они вернулись в гостиную, Назив ответил (при этом он подхватил того же самого ребенка, который набросился на него чуть раньше из-за драпировок, и стал играть с ним, переворачивая вниз головой и легонько стучая ею о пол, пока тот не начал икать от смеха):

– Дети, они... больше...

И Чарли понял: по-ледомски, как и по-английски, «большой» означает и «великий» – не только физические размеры, но и значимость. Но обдумать все это в деталях он попытается попозже. Пока же, оглядывая сияющие лица взрослых и детей, собравшихся в гостиной, он почувствовал укол сожаления и тут же спохватился – никто не должен видеть этого выражения на его лице.

Но Филос все понял и сказал:

– Он видел твою скульптуру, Гросид.

– Вот как? Спасибо, Чарли Джонс! – раздался голос Гросида.

Чарли был доволен. Он расцвел улыбкой, но, если бы его спросили, за что его благодарят и чему он так рад, он вряд ли смог бы ответить.

Развинченной походкой, на полусогнутых ногах, Злодей приближается к постели, в которой пытается укрыться Она – полусонная и нагая.

– Не трогать меня! – кричит Она с явным итальянским акцентом. Камера наплывает на Нее, не выпуская Злодея из виду, после чего становится самим Злодеем... А в это время слепленные из плоти и крови человеческие существа, рядами сидящие в своих хромированных коробочках перед гигантским экраном на площадке автокинотеатра, хлопают ресницами

и ощущают, как кровь пульсирует в их жилах. Даже пропитанный неоновым туманом воздух над машинами для попкорна, даже выключенные фары автомобилей, уставившихся на экран, застывают в томительном ожидании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.